

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН

ОЛДИ

МЕССИЯ
ОЧИЩАЕТ ДИСК

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

ЭКСМО

Генри Лайон Олди

Мессия очищает диск

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134517

Мессия очищает диск: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33996-9

Аннотация

Кто не слышал о знаменитом монастыре Шаолинь, колыбели воинских искусств? Сам император благоволит к бритоголовым монахам – воинам в шафрановых рясах, чьи руки с выжженными на них изображениями тигра и дракона неотвратимо творят политику Поднебесной империи. Но странные вещи случаются иногда в этом суетном мире Желтой пыли...

Китай XV века предстает в книге ярким, живым и предельно реалистичным. Умело сочетая традиции плутовской новеллы с приемами современной прозы, тонкую иронию и высокую трагедию, динамичный сюжет в духе «Путешествия на Запад» – с оригинальными философскими идеями, авторы добиваются того, что вращение Колеса Кармы предстает перед читателем в абсолютно новом свете.

Содержание

Книга первая	5
Часть первая	5
Глава первая	5
1	5
2	14
3	22
4	25
Глава вторая	33
1	33
2	41
3	45
4	56
5	61
Междуглавье	62
Часть вторая	67
Глава третья	67
1	67
2	73
3	77
4	84
5	97
6	103
Глава четвертая	108

1	108
2	115
3	123
4	128
5	134
6	139
7	144
Междуглавье	145
Часть третья	150
Глава пятая	150
1	150
2	157
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Генри Лайон Олди

Мессия очищает диск

Книга первая

Не будите спящих драконов

Часть первая

Клеймо на руках

*Тигр выпускает когти, не думая о них, но жертва не может скрыться. Дракон использует силу, не замечая ее, однако гора не может устоять.
Из поучений мастеров*

Глава первая

1

Процессию сопровождало не менее сотни людей дворцовой охраны – все с гонгами и барабанами, в пурпурных халатах, затянутых поясами с роговыми пластинами, в шелко-

вых праздничных шляпах с лихо загнутыми отворотами, напоминавшими крылья легендарной птицы Пэн. Вот уж воистину – величие видно издалека! Особенно когда сиятельный Чжоу-ван, родной брат ныне здравствующего императора Поднебесной, Сына Неба Юн Лэ, в очередной раз возвращается в жалованный ему удел!

Впрочем, зеваки в толпе переговаривались вполголоса: дескать, нечистый на руку принц Чжоу уже трижды отстранялся от правления уделом за «злоупотребления» и явные нарушения канона Ведомства Работ, установленного специально для «кровнородственных ванов», как то: злостное пренебрежение указанной высотой дворцовых стен, двойное увеличение положенного количества ворот, покраска крыш западных палат в неподобающие цвета, не считая киноварного оттенка воротных створок, и так далее.

Но до того ли сейчас, когда в Нинго праздник, а в серой слякоти будней это уже немало!

Следом за охранниками двадцать придворных бережно везли в черепаховом ларце, украшенном яшмой и изумрудами, драгоценные реликвии Ведомства Обрядов: свидетельство на титул вана, именуемое «цэ» и вычеканенное на тончайшем листе червонного золота, а также личную печать принца Чжоу, имевшую квадратное основание и наверху в виде прыгающего тигра.

Рядом с реликвиями в ларце хранился свиток – копия нефритовых табличек из Храма императорских предков – с

двадцатью иероглифами, которые должны были составлять первую часть имен потомков Чжоу-вана на протяжении двадцати поколений.

И упаси Небо ошибиться – бдительное око Управления императорских родичей не дремлет!

За придворными, в окружении евнухов с веерами и опахалами, неторопливо двигался экипаж нынешней фаворитки принца Чжоу, его любимой наложницы, красавицы Сюань, которую за глаза в шутку называли Сюаньной¹ Беспорочной. Сам Чжоу-ван, словно стремясь лишний раз подчеркнуть свое пренебрежение этикетом, ехал не впереди процессии, а рядом с экипажем наложницы и, склонившись к затененному шторами окошечку, распевно шептал что-то – должно быть, читал возлюбленной стихи эпохи Тан, до которых был большой охотник.

И все шло своим чередом, своим порядком, установленным до мельчайших подробностей, пока из задних рядов толпы вперед не протолкалась пожилая грузная женщина и, не остановившись на достигнутом, пошла себе вперевалочку прямо к принцу Чжоу и экипажу красавицы Сюань.

Эту женщину знали все в квартале Пин-эр. Ну скажите, кому не знакома Восьмая Тетушка, жена красильщика Мао, нарожавшая своему тщедушному муженьку добрую дюжину ребятишек, – тихая, покладистая простушка с вечно распаренными от стирки руками?

---

¹ Сюаньной – Дева Девяти небес, даосское божество.

Но чтобы так, вопреки основам всех миров Желтой пыли, прямо навстречу кровнородственному вану...

– Прочь, негодная! – пронзительно, аж уши заложило, завизжал толстенный евнух и хлестнул нарушительницу спокойствия опахалом. Удар пришелся по выставленному предплечью Восьмой Тетушки, послышался треск, от бамбуковых пластин опахала брызнул во все стороны украшавший их мелкий бисер.

В ту же секунду сложенные «обезьянней горстью» ладони жены красильщика Мао наискось обрушились на оттопыренные уши евнуха, бедняга захлебнулся так и не родившимся криком и сполз на мостовую, продолжая беззвучно разевать рот, будто вытащенная из воды рыба.

А Восьмая Тетушка продолжила свой путь к экипажу.

Первым опомнился длинноусый придворный в черном халате, расшитом голенастыми драконами, и при поясе тайвэя – начальника стражи.

Он коротко скомандовал, и охранники мигом сломали строй, обтекая придворных с реликвиями – символами ванского достоинства; вокруг Восьмой Тетушки сомкнулись конские крупы, а позже, когда ближайшие охранники словно сами собой вылетели из седел, в воздухе засверкала сталь. Праздник плавно перерастал в бессмысленное побоище: в руках жены красильщика Мао проворно сновал отобранный у кого-то двуострый топорик, опытные солдаты на глазах превращались в драчливую ребятню, промахиваясь по

вертящейся व्यюном сумасшедшей бабе, отрубленная голова тайвэя подкатилась прямо под копыта ванского жеребца, и тот шарахнулся, рванулся подальше от мертвого оскала, загарцевал, с трудом смиримый властной рукой...

И впрямь:

Мечи сверкают с двух сторон,
смешавшись, кровь течет.
А в смертный час кому нужны
награды и почет!

Два личных телохранителя удельного владыки еще только падали на залитую кровью мостовую: один – с расколотым черепом, другой, – успевший трижды взмахнуть секирой, с топориком в позвоночнике, – а Восьмая Тетушка уже стояла у экипажа и снизу вверх смотрела на принца Чжоу.

Плохо смотрела.

Так не смотрел на многожды опального вана даже его отец, покойный Хун У, в молодости великий мастер да-дао-шу² и предводитель «красных повязок»,³ в зрелости – первый император династии Мин, изгнавший монголов-завоевателей в северные степи.

Но если Чжоу-ван и был нечист на руку, то слаб на руку

---

² *Да-дао-шу* – искусство фехтования на «больших мечах» (нечто среднее между кривым тяжелым мечом и алебардой).

³ «Красные повязки» – восстание, положившее конец правлению промонгольской династии Юань и приведшее на трон династию Мин.

он не был никогда.

Лихо присвистнул, покидая богато изукрашенные ножны, легкий клинок-цзянь, евнухи бестолково пытались закрыть собой повелителя, только мешая умелой рукотворной молнии, но, когда меч наконец опустился, описав перед этим сложную полуторную петлю, Восьмая Тетушка прогнулась назад и, как кошка лапами, хлестко ударила с двух сторон в плоскость клинка.

Звон, треск – и обезоруженный Чжоу-ван поднимает коня на дыбы, а жена красильщика Мао проскальзывает прямо под копытами и кулаком бьет в хрупкий замок дверцы экипажа, мгновение назад поспешно закрытый Сюаньюй Беспорочной.

Все видели: пинком распахнув дверцу, женщина за волосы выволакивает вопящую наложницу, мимоходом уворачиваясь от брошенного кем-то ей в голову боевого кольца, выхватывает из рук красавицы Сюань крохотную собачку ханчжоуской породы, заходящуюся истошным лаем, и об колено ломает зверьку хребет.

После чего швыряет труп собачки на тело наложницы, лишившейся чувств.

На миг все замерло, остановилось в беспорядке – солдаты, евнухи, зеваки, требующий подать ему оружие принц Чжоу... Только Восьмая Тетушка качала головой, удивленно разглядывая собственные руки, словно видя их впервые, да скользил к женщине-убийце бритоголовый монах в оранже-

вой рясе-кашье, до того находившийся в самом хвосте процессии и не принимавший в побоище никакого участия.

Деревянные сандалии монаха касались земли легко-легко; так, должно быть, ходят небожители Белых Облаков, способные устоять на натянутой полоске рисовой бумаги.

Но и монах не успел.

Руки Восьмой Тетушки словно сами собой потянулись вперед и вниз, вынуждая разом погрузневшую женщину неуклюже присесть, пальцы пауком, хватающим бессильную добычу, вцепились в рукоять сломанного и брошенного принцем Чжоу меча-цзяня.

Оранжевая ряса поплыла в два раза быстрее, она напоминала гонимое ветром закатное облако – да только когда монах находился уже в пяти шагах от жены красильщика Мао, обломок ванского меча одним неувловимым для глаза движением перерезал горло женщины, как раз под дряблым вторым подбородком.

И густая кровь хлынула на очнувшуюся и вновь потерявшую сознание красавицу Сюань, заливая лицо живой наложницы и тело дохлой собачки.

К чести Чжоу-вана, он опомнился первым. Спешившись, принц подбежал к монаху и ухватил его рукой за костлявое плечо.

– Что скажешь, преподобный Бань?! – прорычал правитель, усиливая хватку. – Не твоя ли забота следить за тем, чтобы злоумышленники сидели в колодках, дожидаясь при-

говора, а не разгуливали по улицам во время приезда кровнородственного вана?! Опять скажешь: все в мире тщета, и Желтая пыль запылила глаза живущим?!

Монах даже не поморщился, словно не в его плечо клещами палача впились пальцы гневного Чжоу и не рядом с его лицом брызгал слюной тот, кто властен во многих жизнях и смертях.

– И впрямь все тщета, высокородный ван, – тихо ответил преподобный Бань, и скорбные морщинки-трещинки разбежались во все стороны по его бесстрастному, словно лакированному лицу. – Где мне, ничтожному иноку, предугадать волю Девяти небес, если Владыка Преисподней, князь Яньло, соберется продлить или укоротить чье-то существование? Однако что смогу, на что хватит жалких силенок глухого монаха – то сделаю...

И хватка на его плече разжалась.

Чжоу-ван прекрасно знал, кто стоит за спиной «ничтожного инока». К каждому из цинь-ванов, то есть кровнородственных, и к каждому из цзюнь-ванов, то есть областных, было приставлено по такому же кроткому монаху, прошедшему полную подготовку в знаменитом монастыре близ горы Суншань – якобы из высших соображений. И принцу Чжоу не надо было объяснять, кто диктует императору Юн Лэ эти самые высшие соображения – о, кому не известен преподобный Чжан Во, формально ведающий сношениями с отдаленными провинциями и сопредельными государствами?!

Один из главенствующих иерархов Шаолиньской обители, преподобный Чжан, не первый год серой тенью стоял за спиной Сына Неба. Круг доверенных людей тишайшего служителя Будды был настолько широк, что края его терялись в туманной дымке неопределенности, и настолько скрытен, что та же дымка надежно прятала его от любопытствующих; одно знали – монахи-воины начальника тайной службы есть везде, от Хэнаня до Фучжоу, от Страны Утренней Свежести до территорий вьетов и неблизкого острова Рюкю. Ведь именно по рекомендации преподобного Чжан Во император провел небывалую чистку среди чиновников, подписал указ «О Великих морских плаваниях» и пожаловал шаолиньскому монастырю обширнейшие земельные угодья.

Будь ты хоть трижды ваном – стоит трижды задуматься, прежде чем хватать кого-либо из треклятых монахов-соглядатаев за плечи!

Тем паче что один бритоголовый из монастыря близ горы Суншань стоит отряда телохранителей.

Или отряда наемных убийц.

...Принц Чжоу плюнул и пошел прочь. Он твердо знал: уж что-что, а расследование этого странного покушения он не поручит преподобному Баню, как бы тот ни упорствовал. Если хочет – пусть копает сам, тайно, не имея официального распоряжения. А вот кто из судей в Нинго достоин заняться этим делом... нет, не сегодня.

Сегодня день и без того напрочь испорчен.

И наложницу Сюань надо будет на этой же неделе отослать к родителям.

Вид бесчувственной, залитой кровью Сюаньной Беспорочной с дохлой собачкой на груди навсегда отвратил сердце владыки от любимой наложницы.

А труп Восьмой Тетушки уже волокли во двор местной канцелярии...

2

...Чиновник долго и цветисто рассыпался в любезностях, всячески превознося честность и неподкупность высокоуважаемого сяньгигуна,⁴ вспоминая его многочисленные заслуги одну за другой, и все никак не переходил к главному: зачем он, придворный распорядитель сиятельного Чжоу-вана, ни свет ни заря явился к судье Бао?

Впрочем, судья Бао и без объяснений догадывался о причине столь удивительного визита; более того – он знал это наверняка. Потому что склонный к вычурности слога и привычный к лести чиновник-распорядитель на сей раз отнюдь не преувеличивал заслуги высокоуважаемого сяньгигуна по части раскрытия многих запутанных дел. И сопоставить более чем странное происшествие, не далее как вчера имевшее

---

⁴ Сяньгигун – почетный титул особо отличившихся судей; дословно переводится как «господин, поддерживающий неустранимость».

место на центральной улице Нинго, с явлением придворного распорядителя принца Чжоу, для выездного следователя⁵ Бао не составило особого труда.

Что же касается честности, то и здесь достойный распорядитель не погрешил против истины. Ибо нингоусцы за глаза давно уже прозвали достопочтенного судью Бао – Бао Драконова Печать, намекая на его легендарного предшественника и тезку, прославившегося своей неподкупностью лет эдак триста назад.

Все было верно и ясно с самого начала, а потому до невозможности скучно. Судья вежливо кивал, слушая придворного, явно перечитавшего Конфуция, и даже не самого Кунцзы, а его нынешних толкователей; думал же выездной следователь Бао при этом совсем о другом.

Объявившаяся в Поднебесной новая болезнь, вскоре названная простолюдинами «Безумие Будды», набирала силу, постепенно превращаясь в эпидемию. Судья Бао далеко не в первый раз сталкивался с людьми, потерявшими рассудок в бесконечной веренице собственных перерождений – осознанных неожиданно и неотвратимо, подобно удару молнии! – забывшими, кто они сейчас, разрываемыми изнутри на части проснувшейся памятью о десятках прожитых ими жизней. Такие люди могли прекрасно помнить подробности

---

⁵ Выездной следователь – другое название должности судьи.

восстания Ань Лушаня,⁶ рассказывать, как они сражались под знаменами Чжугэ Ляна⁷ или Сунь У,⁸ говорить на никому не известных языках и прозревать будущее, не зная при этом своего теперешнего имени, не помня ни родного дома, ни своих близких.

Бритоголовые монахи с умным видом объясняли, что такие люди прогневали Будду своими назойливыми мольбами, и тот дал им просветление, о котором они просили, но бодрствование истинной сущности оказалось непосильным для их слабого ума, не подготовленного праведным образом жизни и медитациями...

Судья Бао был абсолютно уверен, что монахи-болтуны тоже далеки как от просветления, так и от Будды – ибо разве способен даже самый назойливый человек чем-то прогнать пребывающего в Нирване Будду?

Даосские же маги твердили в один голос, что это шалости кого-то из подручных демонов Владыки Преисподней Яньло...

Подручные демоны интересовали судью Бао в самую последнюю очередь. У него хватало забот и без Преисподней. («Кто бы мне дал в подручные пару демонов?») – с тоской подумал судья, наливая себе красного чая из давно остывшего чайничка.) Недавно «Безумие Будды» добралось и до се-

---

⁶ Ань Лушань – в 755 г. поднял мятеж против императора. В 757 г. был убит.

⁷ Чжугэ Лян (220–280 гг.) – известный полководец и народный герой.

⁸ Сунь У (или Суныцзы, VI–V вв. до н. э.) – известный полководец и стратег.

мьи самого следователя Бао. Его молодой племянник Чжун сошел с ума буквально за неделю, перестал узнавать родных и все рвался из дома в Лоян, где его якобы ждала семья; или принимался часами декламировать стихи, причем скверные, чего за прежним Чжуном никогда не водилось, или... Несколько перерождений спорили между собой внутри несчастного юноши, подобно лавине в горах погребая под собой его нынешнюю личность, и Бао не знал, чем помочь любимому племяннику. Бессильны оказались и городской лекарь, и заходивший в дом судьи бродячий монах с его трещотками и гонгом. Только всегда мрачный и неразговорчивый даос Лань Даосин по прозвищу Железная Шапка сумел на некоторое время вернуть рассудок юноше. Но к вечеру «Безумие Будды» овладело Чжуном с новой силой – даже даосскому чародею оказалось не по плечу долго противостоять болезни.

Судья знал, что одержимые «Безумием Будды» не живут больше месяца, и потому был хмур и подавлен – но проклятая судьба не ограничилась племянником Чжуном!

Не далее как позавчера судья застал своего первенца и наследника Вэня в западном флигеле за приятной беседой с некоей совершенно незнакомой судье девицей. Девушка скромно опустила глаза, вежливо поклонилась вошедшему главе семейства – ничего предосудительного в ее поведении не наблюдалось, и на гулящую певичку она не походила. Да и взрослому сыну пора уже подыскивать жену, а судья Бао не

из тех старомодных упрямцев, кто заключает браки детей без предварительного разговора с будущими супругами... Судья еще раз окинул взглядом гостью: одета небогато, но опрятно и прилично, лицом мила, насурьмлена и нарумянена в меру, разве что красный платок на шее девушки чем-то не понравился выездному следователю Бао.

Судья не был суеверен. Но он не мог пренебречь тем, что творилось сейчас в Поднебесной: эпидемия «Безумия Будды», затронувшая и его семью, встающие из могил мертвецы (сперва не верил, но одного видел собственными глазами!), шастающие чуть ли не средь бела дня бесы, обретшие разум звери, и добро б привычные лисы-оборотни, а то барсуки какие-то... Даже если отсеять две трети рассказней и сплетен, оставшегося вполне хватало, чтобы быть обеспокоенным.

Возникшее подозрение следовало проверить немедленно. И Бао тут же отправился к своему давнему знакомцу Лань Даосину, неоднократно выручавшему судью в подобных ситуациях.

К счастью, Железная Шапка еще не покинул Нинго, чтобы плавить в горах свои пилюли бессмертия.

– Бесовка, – кивнул, оборачиваясь, чародей, едва судья успел переступить порог его временного жилища и открыть рот, дабы поведать магу, с чем пришел на этот раз. – Дух повесившейся женщины. Замену себе ищет, чтоб переродиться. Возьми вот эту тыкву-горлянку и побрызгай из нее на беса – все чары сразу рассеются, а ты увидишь его истинное

обличье. После гони его метлой из персиковых прутьев, которая у тебя в коридоре стоит. Больше не вернется.

И чародей протянул судье небольшой сосуд.

– Благодарю тебя, святой Лань, – еле смог наконец выговорить судья, до сих пор не привыкший к сюрпризам даоса, которого все никак не отваживался вслух назвать другом. – Если тебе что-нибудь понадобится...

– Я знаю, – чуть заметно улыбнулся Лань Даосин, занавесив хитрые глазки косматыми бровями. – А теперь поспеши. Бес уже почти околдовал твоего сына.

Давно почтенный выездной следователь так не бегал! Но сейчас судье Бао было наплевать на свое положение и должность, которые никак не предусматривали подобных пробежек, – его сын в опасности, и он должен успеть!

Он успел.

Девушка, виновато улыбаясь, уже прилаживала под при�олокой кокетливый женский поясok, и его мальчик, его Вэнь уже взбирался на табурет, пытаясь дотянуться до стропил, не понимая, что делает, – вот тут-то в западный флигель и вломился запыхавшийся Бао Драконова Печать, на ходу откупоривая выданную ему тыкву-горлянку.

И когда беспримерной вонючести смесь прогорклой бычьей, свиной и бараньей крови пополам с человеческим калом, мочой и загноившимся мужским семенем (к слову сказать, были там еще разные, неведомые судье, но не менее «ароматные» компоненты) окропила отшатнувшуюся деви-

цу, с глаз присутствующих мгновенно спала пелена бесовского наваждения.

Первый Сын Вэнь стоял на табурете дурак дураком и готов был собственноручно надеть себе на шею петлю, скрученную на конце растрепанной веревки, свисающей со стропил, а рядом извивался и подпрыгивал в судорогах полуразложившийся труп с глубоким следом от веревки на сломанной шее, с которой когтистые пальцы успели сорвать нарядный красный платок. Возможно, когда-то это была весьма милая девушка, и при жизни она вполне могла выглядеть именно так, как представлялось судье и его сыну всего несколько минут назад, но сейчас, со вздыбленными волосами, с языком, вываленным на добрый локоть...

Стенающая покойница при помощи персиковой метлы была изгнана из дома – искать себе замену для будущего перерождения где-нибудь в другом месте, – а с сыном судья провел соответствующую беседу о нравственности. Однако, хотя все завершилось благополучно и бесовка более не появлялась, на душе у судьи было неспокойно. Неладное что-то творилось в Поднебесной!..

Вот уж верно:

Не вижу былого достойных мужей.
Не вижу в грядущем наследников им;
Постиг я безбрежность небес и земли,
Скорблю одиноко, и слезы текут.

— ...Так что сиятельный Чжоу-ван надеется, что высокоуважаемый сяньигун сумеет распутать это загадочное дело. Позвольте мне, ничтожному, передать вам письменное распоряжение сиятельного Чжоу-вана, наделяющее вас соответствующими полномочиями. — Чиновник с поклоном передал судье свиток, написанный уставным письмом кайшу и с отиснутой на красном воске печатью принца.

Пришлось встать, с поклоном принять свиток, выразить вслух сомнения в силах презренного Бао справиться с таким важным поручением, а потом еще несколько минут слушать всяческие заверения, уверения и прочие надежды кровнородственного вана в изложении его распорядителя, пока последний наконец не удалился.

Едва дверь за достойным последователем Конфуция и его позднейших толкователей все-таки закрылась, судья Бао тяжело вздохнул и развернул свиток.

Полномочий было больше, чем он ожидал. Существенно больше. Вдобавок несколько чистых бирок на арест, которые судья мог заполнить по своему усмотрению. Опять же разрешение, спрятанное внутри свитка... Судья Бао очень надеялся, что ему не придется воспользоваться ЭТИМ разрешением. Да, ему теперь было дозволено многое, очень многое даже для Господина, Поддерживающего Неустрашимость. Но и спрос с него будет особый — это выездной следователь понимал прекрасно. Что ж, придется заняться навязанным делом со всей тщательностью, хотя — видит Небо! — он предпо-

чел бы вплотную озаботиться недавним убийством богатого купца, проезжавшего через Нинго и всплывшего не далее как вчера со вспоротым животом в ближайшем пруду.

Но, как сказал поэт: «Весенние грезы – за гранью небес».

Судья Бао еще раз тяжело вздохнул и отправился производить освидетельствование трупов.

3

С трупами охранников, собачки, телохранителей и тайвэя все было ясно: сломанные шеи и хребты, разрубленные черепа и другие смертельные повреждения, нанесенные в бою. Причем у каждого – только по одной ране, из чего судья заключил, что убивал их опытный боец, не привыкший бить дважды одного и того же противника – ибо какой смысл бить покойника?

С трупом самой виновницы вчерашнего побоища, Восьмой Тетушки, поначалу тоже особых сложностей не предвиделось: перерезанное горло говорило само за себя. Да и свидетели оказались практически единодушны в своих показаниях – прозорливый Бао заранее позаботился об их опросе и сборе вещественных улик. Заодно он успел послать одного из сыщиков допросить красильщика Мао и его многочисленную родню, а также родню самой Восьмой Тетушки, ежели таковая (родня, а не Тетушка!) сыщется. Еще до прихода придворного распорядителя судья чувствовал, что не ми-

новать ему этого дела, а подобные предчувствия редко обманывали; потому и побеспокоился о немедленном начале следствия. Ибо, как известно, вести следствие лучше по горячим следам, а не когда уже все улики успели растащить, свидетели подевались неизвестно куда, а у тех, кто остался, отшибло память.

Конечно, надо будет приказать лекарям городской управы произвести вскрытие и другие необходимые исследования, которые покажут, не находилась ли почтенная мать семейства под воздействием какого-нибудь дурманящего зелья. Только это вряд ли: судья долго смотрел на умиротворенное лицо покойной, на котором застыло такое выражение, словно Восьмая Тетушка умерла с сознанием честно выполненного долга, и с сомнением покачал головой. Какое невероятное зелье могло превратить тишайшую женушку красильщика Мао в мастера воинских искусств, сумевшего уложить половину стражи принца Чжоу?! И потом, добро б она Чжоувана убила (добро – это так, к слову), а то нате, подвиг – сломала хребет любимой собачке любимой наложницы и радостно перерезала себе горло!

Из-за собачки она, что ли, столько народу к предкам отправила?!

Ну не понравилась ей чем-то собачка – кинь издалека камнем...

Судья Бао не любил подобных дел. Он раскрывал их, как и все остальные, но не любил. Если с обычными убийствами,

кражами, ограблениями и подлогами с самого начала было ясно, где и кого искать, то в делах такого сорта никогда нельзя знать заранее: что выплывет на сей раз, кому ты наступишь на мозоль и кому в итоге придется хуже – преступнику или излишне ретивому выездному следователю?

Разумеется, во время освидетельствования трупа Восьмой Тетушки выяснилось и было записано, что умерла злоумышленница в результате перерезания горла, совершенно ею же; а также что при жизни никакими специальными воинскими упражнениями, кроме стирки и тому подобных домашних работ, жена красильщика Мао не занималась. Это подтверждалось показаниями опасавшейся пыток и потому разговорчивой родни, твердившей в один голос, что о кулачном бое Восьмая Тетушка имела весьма смутное понятие, если не считать периодических поколачиваний пьяного муженька. Опять же – сорок с лишним лет тихой, незаметной жизни, у всех на виду: муж, дети, работа по дому, пересуды с соседками...

Нет, не могла такая женщина – даже ради самой отвратительной на свете собачки! – за несколько минут уложить около двух десятков отборных стражников из личной охраны Чжоу-вана, включая телохранителей и тайвэя!

И тем не менее факт налицо.

Судья Бао еще некоторое время постоял над телом умершей и собрался было уходить, когда взгляд его случайно скользнул по лежавшей ладонью вверх руке покойной. На

предплечье уже начали проступать синеватые трупные пятна, и в этом не было ничего удивительного, но форма этих пятен казалась какой-то странной, что-то напоминала судье, что-то очень знакомое...

Судья Бао нагнулся, вглядываясь повнимательнее, — и вдруг резко схватил вторую холодную руку покойной, переворачивая и ее ладонью вверх.

Так и есть!

Сомнений больше не было.

На предплечьях тишайшей Восьмой Тетушки, словно вытатуированные смертью, слабо проступали изображения тигра и дракона — отличительные знаки монахов-воинов, прошедших непроходимый для других Лабиринт Манекенов хэнаньского монастыря Шаолинь!

Точно такая же татуировка, только выжженная огнем, была у преподобного Чжан Во, начальника тайной службы императора; и у преподобного Баня, приставленного к Чжоувану.

4

У судьи Бао болела голова. Прописанное лекарем снадобье, обычно помогавшее в таких случаях, на этот раз действовать отказывалось. Виски ломила нудная, утомляющая боль, мысли путались, и судья бездумно перебирал скопившуюся на его столе кипу прошений, жалоб и других бумаг,

скользя взглядом по ровным рядам иероглифов и не вникая в суть написанного.

За столом в углу так же нудно, как головная боль, бубнил что-то себе под нос прилизанный молодящийся сюцай⁹ Сингэ Третий, сидевший на этом месте уже добрый десяток лет и никак не могущий сдать экзамен на степень цзюйжэнь¹⁰ по причине «ограниченности ума, не восполнимой никаким усердием», как выразился однажды кто-то из экзаменаторов.

Сингэ Третий напоминал судье сюцай из небезызвестной истории, который отдыхал нагишом в прохладе храма местного Бога земли и простудился. Принеся жертву божеству и выздоровев, обиженный сюцай написал подробный доклад, где обвинял Бога земли в том, что тот хитростью выманил у него жертвоприношения, после чего сжег доклад в храме духа – покровителя местности. Не дождавшись ответа, сюцай через десять дней написал доклад с обвинением духа-покровителя в пренебрежении своими обязанностями и сжег доклад в храме Яшмового Владыки. Ночью сюцаю приснилась огненная надпись на стене его дома, сделанная древним головастиковым письмом: «Бога земли, опозорившего свой ранг, сместить с должности. Духу-покровителю записать взыскание. Сюцай такой-то за неуважение к духам и любовь к тяжбам получит тридцать палок через месяц с небольшим».

---

⁹ Сюцай – первая (низшая) ученая степень.

¹⁰ Цзюйжэнь – вторая (средняя) ученая степень.

Что и произошло вскоре.

Но сейчас судье Бао было не до смеха: перед его мысленным взором мертвыми колодами лежали две женских руки.

Разумеется, никаких изображений дракона и тигра на руках Восьмой Тетушки при жизни не наблюдалось – это подтвердили и ее муж, красильщик Мао, и многочисленная родня, и еще более многочисленные соседи. Признаков воздействия колдовского или какого бы то ни было иного зелья также обнаружено не было. Судья еще раз осмотрел труп в присутствии управного лекаря, убедился, что странные трупные пятна никуда не исчезли, а, наоборот, стали еще более отчетливыми, распорядился занести это в протокол освидетельствования и грузной походкой отправился в канцелярию. Где теперь и сидел в отвратительном расположении духа и с раскалывающейся от боли головой.

– ...И представьте себе, высокоуважаемый сяньигун, ничего не взял в доме цзюйжэня Туна, зато изорвал в клочья его любимую тигровую орхидею, которую почтенный цзюйжэнь Тун растил в соответствии с каноном «Ба-хуа»...

– Кто изорвал? – без всякого интереса, просто чтобы отвлечься, переспросил выездной следователь, пропустивший мимо ушей всю предыдущую часть долгого и красочного повествования словоохотливого сюая.

– Да вор же! – обрадованно воскликнул Сингэ Третий, счастливый тем, что господин начальник наконец-то услышал и, кажется, даже заинтересовался его рассказом. – Изо-

рвал любимую орхидею цзюйжэня Туна, а после воткнул себе садовый нож прямо в сердце! Цзюйжэня Туна, когда он об этом узнал, чуть удар не хватил, – довольно продолжил сюцай, недолюбливавший более удачливого, чем он сам (и, надо сказать, довольно заносчивого), Туна. – Из-за орхидеи, понятно, а не из-за вора... Так что теперь он в столицу не поедет; а заместитель ваш, досточтимый господин Фу, распорядился руки у покончившего с собой сумасшедшего вора отрубить и приколотить их к позорному столбу на городской площади, чтоб другим неповадно было.

– Вора опознали? – вяло поинтересовался судья, головная боль которого стала наконец понемногу утихать – то ли снадобье подействовало, то ли сама собой улеглась.

– Опознали, опознали! Торговец сладостями Фан Юйши, его все знают, честнейший человек, хоть и торговец! Я ж и говорю, – видать, умом тронулся. Раньше я у него рисовые колобки с тмином брал, а теперь уж и не знаю, где покупать! Да и вообще, сами видите, высокоуважаемый сяньигун, что у нас в уезде творится, а в последнее время, говорят, и по всей Поднебесной...

– Почему Фу мне не доложил? – прервал сюцая судья.

– Не хотел вас беспокоить, высокоуважаемый сяньигун! Дело-то ясное, вор известен и к тому же мертв...

Но судья Бао уже вновь перестал слушать болтовню Сингэ Третьего. Было в этих двух дурацких происшествиях что-то сходное, что выстраивало их в одну цепочку, делая смеж-

ными звеньями, и судья Бао почувствовал знакомый охотничий азарт, когда в полной бессмыслице нагромождения фактов, незначительных деталей, свидетельских показаний, улики вдруг сойдутся друг с другом несколько фрагментов разобранной головоломки, притрутся совершенно неожиданными углами, и ты понимаешь, что ухватился за нужную нить, и теперь надо тянуть, тянуть – только осторожно, чтобы не оборвать...

Дикий и на первый взгляд бессмысленный поступок Восьмой Тетушки, закончившийся ее самоубийством; и не менее дикий поступок уважаемого торговца Фан Юйши, а в итоге – нож в сердце. Вот что роднило два эти дела – внешняя бессмысленность и самоубийство исполнителя в конце!

– Пройдусь-ка я на площадь, – пробормотал судья скорее самому себе и не спеша вышел из канцелярии.

– Достопочтенный сяньигун Бао?

Вопрос был излишним – в Нинго спутать судью Бао с кем-либо другим мог только слепой. Судья неторопливо обернулся. И, в свою очередь, сразу узнал этого пожилого монаха в оранжевой кашье. Преподобный Бань, ставленник тайной службы, немного телохранитель и уж наверняка согладатай при сиятельном Чжоу-ване – который, однако, ничего не успел сделать во время недавнего побоища.

Не успел?

Не смог?

Не захотел?

– Да, это я, преподобный отец, – кивнул выездной следователь, почтительно складывая ладони перед грудью. – Вот уж и впрямь – известно вам тайное и явное! Я как раз хотел переговорить с вами. Вы ведь, насколько я знаю, принимали монашество и затем проходили обучение в знаменитом монастыре у горы Сун? Воистину счастлива та обитель, чей патриарх был лично приглашен на церемонию восшествия на трон нашего нынешнего императора, Сына Неба Юн Лэ, живи он вечно! По-моему, именно по совету шаолиньского патриарха Сын Неба перенес столицу из Нанкина в Пекин?

– Знания Господина, Поддерживающего Неустрашимость, достойны благоговения, – скромно склонил голову монах, но эта скромность не могла обмануть судью.

Неспроста подошел к нему преподобный Бань!

– Тогда не могли бы вы показать мне, недостойному, священные знаки тигра и дракона на ваших руках? Надеюсь, монастырским уставом это не запрещается?

– Нет, что вы, высокоуважаемый сяньигун, отнюдь! – заулыбался монах, которому явно польстила просьба судьи Бао, да еще высказанная столь смиренным тоном. – Разумеется, смотрите! Вот...

И он по локоть закатал рукава кашы.

Некоторое время высокоуважаемый сяньигун самым внимательным образом изучал предъявленные ему изображения, выжженные на предплечьях монаха, а потом невинно

осведомился:

– А скажите мне, преподобный Бань, только ли у монахов, сдавших экзамены в монастыре Шаолинь, имеются на руках такие знаки?

– Я не слышал, чтобы кто-нибудь хоть раз дерзнул подделывать их. – Голос монаха остался прежним, но и без того узкие глаза сузились еще больше.

– А нельзя ли их как-нибудь скрыть? – поинтересовался судья. – Если, к примеру, монах-воин не хочет, чтоб его узнали?

– Наверное, можно, – пожал плечами монах, – только зачем? Да и шрамы останутся... Кроме того, прошедших Лабиринт Манекенов не так уж много, и нас хорошо знают не только в обители. Надеюсь, вы слышали, что принявший монашество в Шаолине может получить право на свободный выход из монастыря лишь тремя способами? Первый – сдать экзамены, на что способен далеко не каждый, и не ранее пятнадцати лет ежедневного изнурительного обучения; второй – быть посланным во внешний мир по делам братии, что случается редко...

– А третий?

Монах лишь развел руками.

Дескать, третий выход – выход для всех и из любой ситуации.

– Я понимаю вас, высокоуважаемый сянъигун, – вновь заговорил преподобный Бань после паузы. – Вам подсунули

сложное и неприятное дело. Расследовать его – ваш долг... но, думаю, не будет большой беды, если вы вскоре прекратите поиски. Разумеется, честно выяснив все, что представляется возможным. И мне, ничтожному, почему-то кажется, что вы это уже выяснили: возмутительница спокойствия действовала в одиночку, без чьей-либо помощи, пребывая, по всей видимости, не в себе. И потом, она мертва – а посему кто теперь может сказать, что творилось в тот момент в голове у несчастной женщины?

– Конечно, вы правы, преподобный отец. – Судья вежливо склонил голову. – Приблизительно к тем же выводам пришел и я. Не могу не выразить радости, охватившей мою душу при известии, что мое непросвещенное мнение совпало с мнением столь достойного служителя Будды, как вы.

Они поговорили еще немного о всяких не имеющих отношения к делу вещах, хотя судья Бао прекрасно осознавал: монах уже сказал все, что хотел, дав понять, что преподобный Бань и те, кто стоит за ним, не слишком заинтересованы в подробном расследовании этого дела.

Судья догадывался – почему.

Когда преподобный Бань, откланявшись, удалился, перед глазами судьи все еще некоторое время стояли выжженные на руках монаха знаки тигра и дракона. Точно такие же, как и те, что проступили после смерти на предплечьях Восьмой Тетушки, никогда не перешагивавшей порога знаменитого монастыря у горы Сун. Точно такие же знаки, разве что не от

огня, как у преподобного Баня, а опять в виде трупных пятен проступали сейчас на двух прибитых к позорному столбу руках уважаемого торговца Фан Юйши.

Который тоже никогда не был монахом.

Ни монастыря Шаолинь, никакого другого.

Глава вторая

1

Сказано в древности:

Если чаньского мастера¹¹ встретишь в пути —
Слов понапрасну не трать,
Но и мимо не вздумай пройти.
Дай ему в челюсть — и пусть говорит кулак.
Умный поймет,
А дурак обойдется и так.

— Мерзавец! — во всю глотку орал Золотой Угорь, ожесточенно стряхивая с себя вонючие брызги. — Скотина бритоголовая! Спускайся сюда, я тебе башку в плечи вколочу!

Монах, стоявший на стене, не обратил на вопли снизу ни малейшего внимания. Минуту назад он бесстыже задрал

---

¹¹ Чаньский мастер — последователь учения чань (япон. дзэн), одного из направлений буддизма.

край своей шафрановой рясы и помочился прямо на голову Золотого Угря, подошедшего слишком близко к запертым воротам монастыря у горы Сун. За воротами, как рассказывали сведущие люди, начиналась тропинка, пробитая в скалах от подножия к самому монастырю, расположенному существенно выше, у вершины, но Золотому Угрю сейчас было не до скал и тропинок. Не так давно он, сын деревенского старосты из провинции Хэбей и признанный в родных местах знаток цюань-фа,¹² добился своего – после долгих мытарств, результатом которых явились три рекомендации от трех весьма уважаемых особ, Золотому Угрю была прислана записка с повелением (хотя Угорь рассчитывал на приглашение) явиться не позднее Праздника Холодной Пищи к внешним воротам Шаолиня.

Вот он и явился.

И почти неделю проторчал перед запертыми воротами в компании семи таких же, как он, соискателей на право принятия монашества в известном на всю Поднебесную монастыре.

Девятым был немолодой хэшан¹³ из горного храма в округе Аньдэ, только что вошедший в ворота всего после трех часов ожидания – он предъявил стражам письменное разрешение своего патриарха. Стражи долго шевелили губами, уставясь на свиток, потом переглянулись и поманили хэшана за

---

¹² Цюань-фа – дословно «кулачный бой».

¹³ Хэшан – буддийский монах.

собой.

– Вот так всегда! – завистливо вздохнул совсем еще молоденький кандидат, представившийся молочным именем Змееныш Цай. – Как нам, мирянам, так и рекомендаций ку-ча, и жди тут невесть сколько... а как им, преподобным, – патриарх разрешил, и входи себе на здоровье! Ни дать ни взять областная канцелярия: одни с поклоном да бочком, другие верхом с развернутым штандартом!

Случись это раньше, Золотой Угорь ничего бы не ответил, про себя обозвав Змееныша Цая молокососом. Но через день ожидания спокойствие его поколебалось, через три – от выдержки остались какие-то жалкие лохмотья, а теперь, под конец недели, казавшейся бесконечной, Золотой Угорь готов был разорвать на части любого подвернувшегося под руку.

А тут еще этот монах, решивший помочиться на горячую голову...

– Ну где же ты?! Испугался?!

Ворота медленно, со скрипом отворились. В проеме стояли два монаха-стражника: рослые, плечистые, с синими от ежедневного бритья головами, похожие друг на друга, как близнецы.

– Ха! – презрительно выкрикнул Золотой Угорь. – Святоша за чужие спины прячется! Тоже мне, монахи-герои! Ну, давай, налетай на удалыца!

В эту минуту он совершенно забыл, что и сам явился сюда отнюдь не из соображений благочестия или желания от-

ринуть суету мирских иллюзий; нет, если что и влекло Золотого Угря в хэнаньский Шаолинь, так это слава колыбели воинских искусств, чьи питомцы гремели от Восточной вершины Бошань и до Западного Рая Владычицы Сиванму!

Змееныш Цай испуганно дернул Золотого Угря за рукав блузы, указывая на приближающихся стражей, но это ничуть не смутило разъяренного кандидата.

Дождавшись, пока медлительные стражи дойдут до него, Золотой Угорь демонстративно принял малоизвестную на Юге позицию «маленького черного тигра» и с резким выдохом нанес сокрушительный удар кулаком в живот ближнему стражнику.

– Ты чего? – удивленно спросил монах, глядя, как Золотой Угорь скачет на месте, с воем хватаясь за едва не вывихнутое запястье. – Умом тронулся?

– А-а, знаю! – Второй стражник хлопнул себя по бритой макушке. – Это он тебе, преподобный Цзяо, их северянские ухватки показывает! Как же, помню... «худой облезлый тигр»... нет, не худой – маленький! Маленький и черный! Точно! Маленький черный тигр!

– Тигр? – Изумлению первого монаха не было предела. – Маленький и черный?! Разве такие бывают?!

– У них бывают. Хорек – слышал о таком? Маленький и черный, а злющий – куда там тигру!

Первый монах недоверчиво покачал головой, после ухватил Золотого Угря за шиворот и потащил к лестнице, начи-

навшейся в десяти шагах от ворот.

Не слишком высокая лестница, ступеней пятьдесят, не больше.

Золотой Угорь точно знал, что не больше.

Когда бьешься головой о каждую, трудно ошибиться в счете.

Остальные кандидаты следили за происходящим в полной тишине, если не считать бурчания семи животов: за пропитанием несчастных в течение недели ожидания никто не следил, и приходилось довольствоваться принесенным с собой, если кто позаботился о харчах заранее, или собирать ягоды и корни в окрестностях.

Неделя впроголодь – это тебе не павлин начихал...

Вернувшись, монахи-стражники оставили створки ворот открытыми и исчезли за стеной.

– Заглянуть, что ли? – спросил сам себя Змееныш Цай.

И тут же прикусил язык: заглянешь, а тебя вот так, с лестницы вверх тормашками...

День близился к полудню, когда из ворот снова высунулась лоснящаяся физиономия стражника.

– Эй, жрать хотите? – поинтересовался он.

Все дружно закивали головами, даже не подумав указать стражнику на то, что разговаривать с людьми полагается в несколько более вежливом тоне; особенно монаху, которому Будда не рекомендовал даже молиться в смятении чувств, не говоря уж о гневе.

– Ну тогда заходите, – и стражник приглашающе махнул рукой.

«Ну и зашли», – подумал Змееныш Цай, заходя и оглядываясь по сторонам.

За воротами действительно не было ничего, кроме тропинки, ведущей куда-то вверх через бамбуковую рощицу и вскоре теряющейся в скалах.

А еще...

Запах, вздымавшийся над котлом с горячим варевом, мог бы быть и поаппетитнее, но изголодавшимся кандидатам хватило и этого, чтобы бурчание в животах стало подобным извержению вулкана. Вся семерка немедленно сгрудилась вокруг старого бронзового треножника, в углублении которого синими проблесками мигали раскаленные уголья, и как замороженные уставились на укрепленный поверх треножника котел.

Один Змееныш Цай не торопился. То ли был менее голодный, чем другие (мать снабдила его в дорогу внушительным узелком с припасами, да и охотиться на змей и ящериц он умел с детства), то ли по молодости постеснялся при стражах-монахах кидаться к еде подобно неразумному варвару.

Но стражники, казалось, и впрямь были настроены доброжелательно. Один из них приволок из сторожки стопку щербатых глиняных мисок, другой порылся в суме и извлек добрый десяток ячменных лепешек. Каждому кандидату было выдано по миске и лепешке – и Змееныша Цая не обошли

вниманием, — после чего тот стражник, что спускал по лестнице вверх тормашками Золотого Угря, вооружился огромной шумовкой и встал у котла.

— Ну, почтенные, кто из вас самый голодный?! — расхохотался монах, зачерпывая похлебку.

«Бобовая, — по запаху определил Змееныш Цай, глотая слюнки. — И с мясом. Много мяса небось...»

Говорливое брюхо, видать, туманило мозги: ему даже не пришло в голову, что буддийским монахам убоины вкушать не положено, значит, в похлебке вроде бы мясу и не место.

Двое самых голодных — или самых нетерпеливых — мигом подставили миски, безуспешно пытаясь одновременно с этим отгрызть кусок от невероятно черствой лепешки. Вариво шлепнулось в посуду, и двухголосый вой всполошил птиц в кроне ближайших деревьев: дно мисок было сделано из тонкой бумаги, выкрашенной в грязно-коричневый цвет и оттого даже на ощупь напоминавшей шероховатую глину, — так что вся замечательная бобовая похлебка с мясом, прорвав ложное дно, вылилась на живот и колени торопыгам.

Чем громче кричали пострадавшие, тем больше веселились монахи. Хрюкали, повизгивали, утирали слезы и в изнеможении падали на землю, дробно стуча пятками. Смех их, что называется, «сотрясал Небо и Землю». Ворота до сих пор стояли незапертыми, и Змееныш Цай уже всерьез подумывал о том, чтобы повернуться и уйти. По крайней мере именно такое желание было написано на его скуластом ли-

це, и всякий мог этим желанием всласть налюбоваться. Наконец он, закусив губу, оторвал бумагу-обманку, подложил под миску вместо дна выданную лепешку и решительно направился к котлу.

Где и выяснил, что не один он такой умный: в очереди за похлебкой Цай оказался пятым, то есть последним.

Пока все хлебали из мисок, спеша и обжигаясь, а потом усердно жевали размягчившиеся от горячего варева лепешки, – те двое, что ошпарились, сидели неподалеку, поскуливая вполголоса.

Наконец один из них встал и, спотыкаясь, побрел к воротам.

– Это несправедливо, – шептал его собрат по торопливости, постепенно повышая голос, – это несправедливо... несправедливо!..

Казалось, он помешался на справедливости, потому что повторял это раз за разом, не в силах замолчать и уйти.

Монах-стражник поднял его за шкурку, как напроказившего котенка, и потащил к выходу.

– Эй, ты! – заорал страж после того, как выставил несчастного наружу. – Да-да, именно ты! А ну-ка иди сюда, почтеннейший!

Тот торопыга, что ушел сам, не вызывая к справедливости, обернулся. Потоптался на месте, удивленно пожал плечами и вернулся. С опаской прошмыгнул мимо стражника – вдруг нападдаст или еще что! – потом подошел к котлу, взял у Зме-

еныша Цая предложенную последним половину размякшей лепешки и принялся машинально жевать.

– Это несправедливо! – с удвоенной силой возопил выставленный кандидат из-за ворот. – Несправедливо это!

– Понятное дело! – согласился стражник и запер ворота.

А его напарник принялся во всеуслышание горланить, что собравшиеся здесь пролоты и бездельники могут валить на все четыре стороны, а если даже в одной из этих четырех сторон и лежит вход в монастырь, то он ничего об этом не знает, а даже если и знает, то не скажет, а даже если и скажет, то такое, чего лучше не слышать сыновьям мокрицы и древесного ужа.

– А Будда, говорят, был добрым, – вздохнул Змееныш Цай, направляясь к скалам, возвышавшимся неподалеку.

– Так то ж Будда... – отозвались сзади.

И никто из шестерки соискателей не видел, как монахи-стражники деловито переглянулись, а потом один из них неспешной рысцой побежал вдоль стены и левее, туда, где глухо рокотал разбивающийся о камни водопад.

2

На проклятые скалы Змееныш Цай убил около суток с лишним. Даже ночевать пришлось на каком-то крохотном карнизе, поужинав украденными из гнезда яйцами дикого голубя, и сон ежеминутно обрывался всплеском нутряно-

го страха – вот сейчас ненароком пошевелишься и загремишь кубарем в пропасть глубиной никак не меньше двадцати чжанов!¹⁴

Еще у первых ворот кандидаты разделились, потому что каждый был убежден: именно он абсолютно точно знает, как добираться до входа в монастырь, а остальные представляют из себя сборище тупиц и невежд. Последнее скорей всего содержало в себе изрядную долю истины – два раза Змееныш слышал совсем неподалеку захлебывающийся вскрик и шум скатывающегося оползня. Самому ему повезло: всего однажды пришлось убедиться в неверности выбранного направления и вернуться почти к самым воротам. Впрочем, возвращение было гораздо труднее, ибо спускаться всегда опасней и утомительней, чем подниматься. Особенно если при каждом шаге ты заставляешь себя не думать об очевидном – следующая избранная тобой тропа может точно так же вести в тупик, как и предыдущая!

Но мудрецы правы, говоря, что усилия доблестных рано или поздно вознаграждаются успехом («Ох, лучше бы раньше, чем позже», – вытирая пот, подумал Змееныш Цай). К полудню следующего дня впереди, за еще одной бамбуковой рощей, замаячила белая монастырская стена. Даже отсюда хорошо просматривались окружавшие ее старые ивы и кражистые ясени, а также остроконечные синие вершины конических крыш и башня, возвышавшаяся, по всей вероятно-

---

¹⁴ Чжан – мера длины, около 3,2 метра.

сти, над воротами и украшенная сверкавшими на солнце золотыми иероглифами.

Облегченно вздохнув, Змееныш Цай двинулся напрямую через рощу, но не успел он пройти и пятидесяти шагов, как внимание его привлек глухой стон.

Юноша остановился и вслушался.

Нет, не наваждение – стон повторился снова, хотя был столь слаб, что напоминал скорее журчание заблудившегося между двумя камнями ручейка.

Свернув на восток и совсем чуть-чуть попетляв между узловатыми стволами, молодой кандидат очень скоро заметил яркое пятно шафрановой рясы, резко выделявшееся среди окружающей зелени.

Это был тот самый хэшан, который первым вошел в ворота, предъявив стражам разрешение своего патриарха. Сейчас он лежал на земле, скорчившись подобно младенцу в утробе матери, и левая нога монаха была наспех замотана окровавленной тряпицей.

– Осторожно! – хрипло выкрикнул раненый, когда Змееныш Цай, не разбирая дороги, бросился к нему. – Смотри под ноги!

К счастью, у Змееныша хватило ума вовремя последовать совету, иначе и он бы наступил на срезанный почти у самой земли и специально заостренный стебель бамбука. Ступня в результате этого наверняка оказалась бы проколотой насквозь, как у неудачливого хэшана, и в роще лежало бы два

человека, так и не добравшихся до входа в монастырь.

Впрочем, в таком случае они могли бы утешаться содержательной беседой об истинной природе просветления.

Только сейчас остолбеневший Змееныш Цай заметил, что предплечья и бедра его иссечены в кровь жесткими краями листьев бамбука, словно вместо безобидных растений в этой зловещей роще были специально высажены копыя и ножи!

– Чем вам помочь, преподобный? – пробормотал Змееныш, добравшись наконец до монаха, на что у него ушло гораздо больше времени, чем предполагалось вначале.

– Попасть в монастырь, – запекшимися губами улыбнулся хэшан. – И прислать потом ко мне кого-нибудь из слуг. Монахов не шли – не пойдут. Но будь осторожен, мальчик, – тут дальше скрыты ямы с кольями на дне. Я чуть не угодил в одну из них – и в итоге наступил на бамбук...

Змееныш Цай потоптался на месте, явно не желая оставлять раненого одного, потом посмотрел поверх листвы на воротную башню самого знаменитого во всей Поднебесной монастыря.

Пестрый ястреб кругами ходил над его головой, высматривая добычу.

– Это... это подло, – еле слышно прозвучало в бамбуковой роще.

– Нет, – снова улыбнулся монах, и по улыбке этой было видно, каких усилий ему стоит каждое слово. – Ты просто не понимаешь, мальчик... И если хочешь, чтобы патриарх

Шаолиня назвал тебя послушником, забудь эти слова.

– Какие?

– Справедливость и подлость. Человеческая нравственность заканчивается у ног Будды, и не думай, что это плохо или хорошо. Это просто по-другому. Совсем по-другому.

Змееныш Цай не ответил. Он смотрел на иероглифы, украшавшие башню, лицо его отвердело, скулы стали отчетливей, гусиные лапки залегли в уголках глаз, и выглядел он сейчас гораздо старше. Настолько старше, что раненый хэшан засомневался: правильно ли он только что назвал этого человека мальчиком?

И нужны ли этому человеку чьи бы то ни было поучения?

Рядом с проколотой ногой хэшана, деловито поблескивая чешуей, потекла куда-то крохотная змейка, очень похожая на древесного ужа, но с еле заметными желтыми пятнышками на шее.

Совсем маленькая; почти змееныш.

Хэшан прекрасно знал, чем заканчивается укус такой змейки.

3

Пострадавший был прав: монахов звать не стоило. Потому что, выйдя из каверзной рощи, Змееныш Цай почти сразу увидел, как к парадному входу в Шаолинь спешит-торопится троица удачливых кандидатов (Змееныш даже издалека

узнал среди них того торопыгу, что был возвращен стражником и которого юноша угостил куском своей лепешки). Торопыга первым добежал до входа и начал тарабанить в него кулаками.

– Я дошел! – визгливо кричал он, захлебываясь радостью. – Я дошел! Открывайте!

Часа через три – остальные кандидаты, включая подоспевшего Змееныша Цая, к тому времени давно сидели неподалеку, устав от его воплей, – к торопыге подошел человек в одежде слуги и с коромыслом на плечах.

Сгрузив свою ношу на землю, слуга объяснил охрипшему соискателю, что парадный вход открывается только для особо важных гостей, каким он, шумный торопыга, ни в коей мере не является; также через эту дверь свободно входят и выходят преподобные отцы, успешно сдавшие выпускные экзамены и прошедшие Лабиринт Манекенов, – и если крикун претендует на подобное звание, то слуга немедленно доложит кому-либо из преподобных отцов, чтобы тот, в свою очередь, доложил патриарху, чтобы тот, в свою очередь...

Когда очередь дошла до патриарха и Лабиринта Манекенов, торопыга осекся и замахал на слугу руками.

После чего вместе с остальными потащился в обход монастыря – искать более подходящую случаю и положению дверь.

Змееныш Цай задержался – объяснял разом посерьезневшему слуге, где искать в роще раненого хэшана. Закончив,

он хотел было спросить, почему монастырь вообще содержит слуг, если патриарх Байчжан говорил в древности: «День без работы – день без еды!»

Некоторые утверждали, что на самом деле патриарх сказал: «Кто не работает, тот не ест!», но это вряд ли – говорил-то Байчжан не о людях вообще, а о себе конкретно, а себя представить неработающим больше чем день старый учитель Закона не мог.

Хотел спросить Змееныш – и не спросил. Последние дни приучили его держать язык за зубами; во всяком случае, именно так он и сказал позже остальным кандидатам, когда догнал их. Иначе, дескать, и прикусить недолго. А пока что только и узнал по-быстрому от слуги, что живет последний вместе с семьей и остальными вольнонаемными жителями окрестных деревень в поселке на нижней территории монастыря, сразу за опоясывающей обитель стеной внешних укреплений. Туда-то и можно будет заглянуть, справиться о здоровье раненого.

Потом слуга подхватил свое коромысло и побегал в рощу, ловко раскачиваясь, чтоб не пролить ни капли воды из двух небольших бадей; а Змееныш Цай побрел за сотоварищами.

Сотоварищи к тому времени выяснили, к общему огорчению, что не для них и боковая дверь – через нее ходили те монахи, кто выпускных экзаменов еще не сдал, но по решению общины и повелению патриарха должен был на время покинуть обитель и вернуться к мирским делам.

Из-за двери у кандидатов язвительно поинтересовались, не в прошлом ли перерождении они уходили из монастыря, выполняя волю общины, если теперь сдуру ломаются куда не следует, – и пришлось продолжить свое унылое движение в обход вожделенного монастыря.

А потом еще сидеть у задней двери, у черного, так сказать, хода, до самой ночи, потому что внимания на кандидатов никто не обратил, двери им не открыл (к чему они постепенно начали привыкать), если не считать за знак внимания вываленный сверху горшок помоев, к счастью плюхнувшихся мимо.

Когда остальные кандидаты дружно захрапели, завернувшись от ночной прохлады в удачно прихваченные накидки, Змееныш Цай посидел еще немного у еле-еле горящего костришка, который сам и сложил, а потом решительно встал и поплелся по тропинке вниз – туда, куда удалился днем слуга с коромыслом. Видимо, юноше подумалось, что ночевать лучше бы в поселке, где даже если и не пустят под крышу, то уж наверняка найдется место в какой-нибудь копешке сена.

Не у всех же накидки...

Поселок, где жили слуги и их семьи, спал. Редкие собаки лениво брехали на Змееныша из-за низких заборов – воровство было здесь вещью совершенно немыслимой, а если так, зачем огораживаться и держать злобного пса? И то сказать: хотя монахи Шаолиня относились к наемным работни-

кам без церемоний, в свою очередь, вынуждая слуг всячески демонстрировать глубочайшее почтение к бритоголовым отцам, тем не менее терять по собственной глупости выгодную работу не хотел никто. От лишнего поклона спина не отсохнет! Зато положение человека, приближенного к знаменитым монахам, сулило немалые выгоды – население провинции исправно поставляло в поселок слуг продукты, ткани и связки медных монет в обмен на обещание замолвить за них словцо перед милостивым Буддой, то бишь перед преподобными в шафрановых рясах.

Опять же слуги и члены их семей имели полное право покинуть монастырь согласно собственному желанию или необходимости, а потом вернуться обратно – в отличие от тех монахов, кто не сдал выпускные экзамены или не получил на то особого разрешения патриарха.

Пройдя тихий поселок из конца в конец, Змееныш Цай так и не решился постучать в какие-нибудь ворота и собрался было уходить, когда внимание юноши привлекло светящееся окно в низком кособоком домишке на южной окраине. Оглядевшись, Змееныш птицей перемахнул через забор и в следующее мгновение уже стоял у заинтересовавшего его окна, боком прижимаясь к нагретой за день и еще не остывшей стене.

Створки оконной рамы были слегка приоткрыты, и доносившиеся изнутри протяжные стоны вполне могли бы принадлежать больному или раненому, тщетно пытающемуся

забыться сном, но... Одного взгляда, брошенного внутрь, вполне хватило любопытному Цаю, чтобы беззвучно хмыкнуть и растянуть рот в улыбке.

Посторонний зритель мог бы подумать, что малоопытному юноше не приличествует такая хитрая понимающая улыбка, достойная скорее зрелого мужа, но посторонних зрителей, кроме самого Змееныша, поблизости не наблюдалось.

И вслед за первым взглядом немедленно последовал и второй.

Слева от окна, вполоборота к невидимому Змеенышу Цаю, на застеленной лежанке сидела обнаженная женщина. Этакая толстушка средних лет, с пышной грудью, украшенной бутонами крупных сосков, с широкими бедрами, словно созданными для любовных утех и деторождения; и Змеенышу сперва показалось, что женщина эта прямо у него на глазах решила снести яйцо, что естественно для кур и уток, но весьма странно для представителей рода человеческого. Яйцо – гладкое, лоснящееся, отливающее синевой – копошилось у стонущей женщины меж чресел, и каждое его движение вызывало у мучающейся толстушки очередной стон, а ладони несчастной судорожно поглаживали блестящую скорлупу яйца. Через некоторое время яйцо издало долгий чмокающий звук и приподнялось над раскинутыми в разные стороны ляжками, заставив роженицу выгнуться ударенной кошкой; и на яйце обнаружилось лицо.

Ничего особенного: нос, рот, глаза... лицо как лицо, разве что излишне мокрое от пота.

Монах, чье тело было до того скрыто лежанкой и женскими бедрами, утомленно поднялся на ноги и зашлепал к столику в дальнем углу. Взял полотенце, насухо вытерся и швырнул скомканный кусок ткани в окно, чуть не попав в отпрянувшего Змееныша. Потом преподобный развратник потрогал пальцем чайничек, стоявший на переносной жаровне, счел его достаточно теплым и принялся наполнять две крутобокие чашки вином или чаем – в зависимости от того, что изначально крылось в нем. Сам монах был явно немолод, но жилист, сухопар, и при каждом движении узкие жгуты мышц так и играли на его тощем, отнюдь не изможденном теле. Когда над чашками закурился легкий парок, монах искоса глянул на толстушку, в изнеможении раскинувшуюся на лежанке, недовольно поджал узкие губы и полез в валявшуюся рядом котомку. Некоторое время рылся там, наконец извлек бумажный пакетик и вытряхнул себе на ладонь маленькую пилюлю. Подумал и вытряхнул еще одну. После чего с пилюлями в одной руке и чашкой в другой направился к своей подружке.

– Выпей, родная, – сладким голосом пропел монах, протягивая снадобье женщине. – Выпей и давай-ка еще разок сыграем с тобой в «тучку и дождик»! Ну что же ты?!

– Отстань, неугомонный! – Женщина махнула в сторону пристающего дружка рукой, что далось ей с трудом. – Не мо-

гу больше!

– Не тревожься, булочка! – донеслось до Змееныша Цая. – Кому, как не тебе, знать: мы, златоглавые архаты,¹⁵ люди запасливые! Проглоти два зернышка «весенних пилюль» – и будешь готова предаваться любовным утехам до самого рассвета!

Что ответила женщина, Змееныш Цай не услышал: топот множества ног по ту сторону забора разом заглушил все.

Через мгновение щеколда на воротах отлетела в результате мощного удара снаружи, сами ворота широко распахнулись, и во двор ворвался десяток стражников – таких же бритоголовых, как и владелец замечательных «весенних пилюль», но гораздо больших размеров. Внушающие почтительный трепет силачи, способные с одного удара перерубить пополам коня той самой алебардой, которую каждый из них имел при себе, – они отбирались лично патриархом и подчинялись только ему. В прошлом именно такими «железными людьми» заменил в Шаолине императорский гарнизон тогдашний патриарх Мэн Чжан, бывший разбойник, многократно приумноживший за время своего патриаршества и славу, и богатство обители. В общем-то, основной задачей богатырей-стражников было следить за тем, чтобы никто не мог без разрешения покинуть пределы Шаолиня, но «железные люди» также частенько устраивали облавы в поселке слуг, где некоторые любвеобильные красавицы были

---

¹⁵ *Архат* – святой.

готовы принять преподобных отцов в любое время.

Похоже, ублажавший толстушку монах прекрасно понимал, что означает внезапный шум во дворе. К чести златоглавого архата, он не терял времени даром: как был, голый, выпрыгнул в окно и стремглав кинулся вокруг дома к калитке черного хода.

Но стражники оказались проворней, дружно заступив ему дорогу, и один из блюстителей нравственности огрел блудодея поперек спины древком своей алебарды. Огреть-то огрел, но святой отец мигом присел, избежав справедливой кары, а когда он снова поднялся, то в руках у него была большая корзинка из ивовых прутьев, в какой удобно носить рыбу с рынка или отложенное для стирки белье. Впрочем, корзинка оказалась удобной и для других, не столь мирных дел — донышко ее весьма чувствительно ткнулось в физиономию ближайшего стражника, и тут же жесткий край ударил второго «железного человека» под ребра. Тот согнулся с нутряным уханьем, доказав всю относительность собственного прозвища, а монах уже вертелся в гуще тел, вовсю размахивая своей ужасной корзинкой и пытаясь любой ценой прорваться к заветной калитке.

Высунувшаяся из окна толстушка подавилась пилюлей и испуганным вскриком: огромное лезвие чуть было не отсекло незадачливому любовнику не то руку, без которой ему пришлось бы плохо, не то иную часть тела, только похожую на сжатую в кулак руку и гораздо более ценную, если учи-

тивать склонность святого отца к ночным похождениям. Но монах выгнулся почище толстушки в момент «пролившегося из тучки дождя», алебарда со свистом прошла мимо, два столкнувшихся меж собой древка громыгнули вплотную к бритой монашеской голове, а корзинка успешно подсекла чьи-то ноги, и стражник с воплем грохнулся наземь, заодно сбив еще одного из своих приятелей.

Сыпля проклятиями, оба вскочили и снова кинулись было в свалку – но мерный стук, раздавшийся от ворот, отрезвил дерущихся почище грома и молнии Яшмового Владыки, когда тот катит по небу на своей бронзовой колеснице.

Около распахнутых ворот стоял маленький бес.

Во всяком случае, такое лицо могло быть только у беса. Черный безгубый провал рта, перекошенного самым невероятным образом, вместо правой щеки – сплетение рубцов и шрамов, исковерканный двойным переломом нос и огромные отеки под глазами, еле-еле блестящими из-под набрякших век.

Маленький бес медленно подошел к стражникам и прижавшемуся к забору монаху-блудодею, поставил рядом с последним большой деревянный диск, который до того держал под мышкой, и властно протянул руку.

Не говоря ни слова, монах отдал бесу свою корзинку. Урод повертел ее, пару раз подкинув и ловко поймав за ручку, потом прошелся туда-сюда, о чем-то думая.

– Старый Гао смотрит на море, – глухо донеслось из

страшного рта.

И корзинка описала замысловатую петлю над головой беса.

– Старый Гао удит хитрую рыбу. – Корзинка метнулась вверх, но остановилась на полпути, вылетела из руки, перевернулась, была подбита ногой и схвачена за торчащий сбоку конец прута.

Стражники подобрали алебарды и смотрели на это представление, изумленно качая головами.

– Старый Гао гоняет ветер. – Бес ловко запрыгал на одной ноге, время от времени приседая до самой земли и крутя корзинку вокруг себя.

Вдруг, так же неожиданно, как и начал, он прекратил забавляться с корзинкой, швырнул ее голому монаху и направился обратно к воротам, прихватив по дороге свой диск.

– Преподобный Фэн! – заорал вслед бесу блудливый монах. – Погодите! Умоляю – покажите еще раз! Преподобный Фэн!..

И вылетел за ворота следом за бесом.

Стражники даже и не подумали его останавливать.

...Когда двор окончательно опустел, толстушка захлопнула окно, но тут же распахнула его снова и высунулась по пояс – ей показалось, что какая-то тень мелькнула снаружи.

Нет, никого.

На всякий случай толстушка глянула вверх. Да нет, в кро-

хотном закутке над окном под самой стрехой могла поместиться только ласточка, а ласточек достойная женщина не боялась.

Если бы ей сказали, что этой ласточкой был Змееныш Цай, она бы очень удивилась.

4

Великий учитель Сунь-цзы, которого без усталы обязан цитировать любой, мнящий себя стратегом, сказал:

– Тонкость! Тонкость! Нет такого дела, в котором нельзя было бы пользоваться лазутчиками.

Почтенное семейство, из которого вышел уже знакомый нам Змееныш Цай, было полностью согласно с этой мудростью, проверенной веками. И впрямь: немногие дела, о которых потом долго толковали простолюдины на рынках и в харчевнях, обходились без участия кого-либо из профессиональных лазутчиков Цаев. Прадед Змееныша немало поспособствовал тому, что предводитель восставших «красных повязок» Чжу Юаньчжан сумел в невероятно быстрые сроки завладеть Пекином – потом это свалили на помощь духов будущему государю – основателю династии, и старый Цай весь остаток своей незаметной жизни втихомолку посмеивался, вспоминая, как однажды три дня просидел в выгребной яме

на окраине будущей Северной Столицы.¹⁶ Бабка Змееныша столь усердно собирала подаяние в северных провинциях, что двое тамошних наместников скоропостижно скончались от заворота кишок, так и не успев обдумать до конца детали будущего заговора. Отца своего Змееныш Цай не знал, и вряд ли во всей Поднебесной нашлось бы более трех человек, которые знали в лицо Ушастого Цая, даже к жене приходившего с замотанной в башлык головой; да и за самим Змеенышем водилось много такого, о чем не стоило болтать при посторонних.

Об этом вообще не стоило болтать.

Судья Бао, один из немногих, в силу должности посвященный в тайну семейства Цаев, не раз повторял слова древнего трактата:

– Пользование лазутчиками насчитывает пять видов: имеются лазутчики местные, встречаются лазутчики внутренние, бывают лазутчики обратные, существуют лазутчики смерти и ценятся лазутчики жизни.

После чего обязательно добавлял:

– Лазутчики жизни – это те, кто возвращается с донесением.

Змееныш Цай был лазутчиком жизни.

Когда он выскользнул из чрева матери, его бабка, по праву считавшаяся опытной повитухой, взяла кричащего младенца на руки, хлопнула по красной, как у обезьяны, попке,

---

¹⁶ Пекин – по-другому Бэйцзин, т. е. «Северная Столица».

наскоро оглядела и заявила, ткнув толстым пальцем в точку «дэнчху»:

– Змееныш!

– Вы уверены, матушка? – устало спросила роженица.

Бабка только расхохоталась и, закулив трубку, отправилась полоскать белье. В северных провинциях последние лет восемь было тихо, и поэтому старухе не было никакой необходимости продолжать собирать там милостыню.

Мыли новорожденного в холодных настоях на ханчжоуских хризантемах, недозрелых плодах унаби, щечках щитомордника и многих других компонентах, полный перечень которых весьма удивил бы даже опытного лекаря, попадись он ему в руки; кормили дважды в сутки, на рассвете и после заката, рано отлучив от груди и обязательно заставляя срыгивать после кормления; многократно разминали крохотное тельце, из которого, как из дикобраза, во все стороны торчали тончайшие иглы, какими бабка Цай умела дарить жизнь или смерть, по собственному выбору; туго пеленали и сильно раскачивали колыбель, ударяя ею о стены и вынуждая младенца от страха и сотрясения сжиматься в комок. Дальше в ход пошли более сильнодействующие средства и способы. Годовалый Змееныш выглядел пятимесячным, шестилетний – по меньшей мере вдвое моложе, одиннадцатилетний подросток смотрелся лет на семь, не больше, что вынудило семейство Цай во избежание кривотолков покинуть дом и переехать в Нинго, поселившись в безлюдной местности за го-

родом...

Сейчас Змеенышу Цаю, лазутчику жизни, тому, который возвращается, было сорок два года.

За спиной его была дюжина-другая успешно завершённых дел и десятка полтора излишне рьяных во время их последнего существования покойников, недооценивших наивного юношу.

Змееныш Цай искренне надеялся, что следующее перерождение несчастных будет удачней.

Но прошлой зимой его настиг тяжелейший приступ, едва не закончившийся параличом, и лазутчик жизни спешно принялся «сбрасывать старую кожу».

Время можно обманывать, но нельзя обмануть. Это он знал хорошо. Ещё он знал, что за все нужно платить. Если вовремя не принять мер, не опомниться и не оглядеться, если не почувствовать острую необходимость вернуться к естественному образу существования, кожа из юношески упругой за год с небольшим превратится в старчески дряблую, одеревеневшие мышцы перестанут повиноваться приказам, искрошатся и выпадут зубы, до сих пор белоснежные и здоровые, как у юноши, суставы потеряют подвижность, сочленения заостенеют, нальются свинцом, а вчерашний мальчик с быстротой обвала в горах станет сегодняшним стариком.

И послезавтрашним покойником.

Время нельзя обмануть, но с ним можно рассчитаться, вернув старые долги с процентами. Вновь многострадальное

тело усеяли стальные и костяные иглы, пробуждая от спячки внутренние потоки, взламывая сковавший их лед, заново прочищая русла; вновь изнурительные упражнения заставляли Змееныша плакать от боли в меняющейся плоти, тщетно пытаюсь забыться недолгим и не приносящим облегчения сном; вновь секретные мази покрыли лицо и руки, вновь чередовались массаж и травяные примочки – змееныш мало-помалу становился змеей.

И вдруг старую кожу пришлось натянуть заново.

Потому что великий учитель Сунь, которого без устали обязан цитировать любой, мнящий себя стратегом, сказал не только:

– Все пять разрядов лазутчиков действуют, и нельзя знать их путей. Это называется непостижимой тайной.

Он еще и сказал:

– Знание о противнике можно получить только от людей.

Судья Бао Драконова Печать повторил эти мудрые слова Змеенышу Цаю, прежде чем отправить его в Шаолинский монастырь с тремя подлинными рекомендациями от трех весьма уважаемых людей.

Судье Бао снились по ночам руки с клеймом тигра и дракона.

Судье Бао казалось, что эти страшные трупные пятна, скалясь по-звериному, способны расползтись по всей Поднебесной, если уже не сделали этого.

И Змееныш Цай совершил чудо: за месяц с небольшим

натянул почти сброшенную кожу, отправившись в Хэнань, к знаменитому монастырю у горы Сун.

Только состарившаяся мать, которую посторонние считали бабкой, а то и прабабкой розовощекого юноши с молочным именем, знала истинную цену поступка своего первенца.

А в узелке Змееныша были укрыты скляночки и флакончики с мазями на желатине из ослиной кожи, кожаный чехол с набором игл, три мешочка с яньчунь-дань, «пилюлями, продлевающими молодость», и полынные трубочки для прижиганий.

Неделя без этого – да что там неделя, и четырех дней хватит, не приведи князь Преисподней Яньло! – и вчерашний юноша уже не станет просто стариком.

Он умрет, завидуя настоящему змеенышу, свалившемуся в котел с крутым кипятком.

Но лазутчики жизни обязаны идти и возвращаться.

Пусть обратного пути нет – идти и возвращаться.

И неважно, что великий учитель Сунь, которого без устали должен цитировать всякий, мнящий себя стратегом, не высказывался по этому поводу.

5

К полудню следующего дня задняя дверь монастыря открылась перед кандидатами, и Змееныш Цай вошел во внут-

ренный двор...

Междуглавье

Свиток, найденный птицеловом Манем в тайнике у западных скал Бацюань

Почему-то отчетливей всего мне запомнился момент собственной смерти – словно вся моя жизнь была только прелюдией к этой бессмыслице.

Я позавтракал, свалил посуду в мойку, бриться не стал, усмотрев в этом некий вызов – правда, непонятно кому, – и, накинув куртку, вышел из квартиры. В подъезде, как всегда, пахло кошачьей мочой и застарелым сигаретным дымом, дворничиха тетя Настя пожаловалась мне на нехороших людей, справляющих здесь же свои естественные потребности, я осудил этих мерзавцев, слившись с дворничихой в экстазе морального единения, и выскочил на улицу.

«Вольво» шефа уже стоял у подъезда. Так бывало всегда, когда шеф собирался подкинуть мне новую работенку, о которой весь сонм его дипломированных вдоль и поперек комп-экспертов уже успел отозваться коротко и внятно:

– Безнадега!

Как правило, после такого диагноза шеф лично звонил мне, лил патоку в телефонную мембрану и на следующее

утро заезжал собственной персоной.

Поначалу это льстило моему самолюбию.

Телохранитель шефа по кличке Десантура помахал мне из-за руля медвежьей лапой и оскалил в приветливой улыбке сорок восемь с половиной золотых зубов. Когда-то я наголову обыграл его в карты, не похваставшись этим ни единой живой душой, и с тех пор Десантура мне симпатизировал. Я был вторым человеком в мире, кому Десантура симпатизировал, – первым был он сам. По-моему, он меня жалел и часто спрашивал после утреннего кофе:

– Слушай, Гений, ты и впрямь цвета не различаешь?

Я устал объяснять ему, что дальтоники цвета в принципе различают, не различая оттенков, и мир не выглядит для них, то есть для нас, потрепанным черно-белым фильмом, но Десантура не верил.

– А какого цвета вон тот «жигуль»? – спрашивал он.

– Красного, – отвечал я и уходил.

– А вот и врешь! – радостно орал мне в спину Десантура. – «Жигуль» и вовсе оранжевый! Врешь, Гений!

И потом у него до вечера было хорошее настроение.

Я – дальтоник. Вернее, сейчас правильное было бы сказать: я был дальтоником. И еще у меня нет музыкального слуха. Совсем. Неловкая акушерка, вытаскивая меня из моей вопящей мамы, коряво наложила щипцы и не пожалела силушки – в результате чего головка невинного и некрещеного младенца оказалась изрядно сплющена с левой сторо-

ны. Сейчас это практически не видно; да и чудо-Верка, моя личная парикмахерша, настолько приловчилась прятать эту асимметрию, что я даже иногда нравлюсь девушкам. На первых порах. На вторых же они говорят, что я – бездушное чудовище, которому недоступна истинная красота.

Пожалуй, это правда.

Я был бездушным чудовищем.

И еще я был компьютерным гением.

– Добрейшее утречко! – бодро выкрикнул шеф, выбираясь из машины.

Его круглое щекастое лицо растянулось во все стороны самым добродушным образом, я уже почти дошел до него – и в этот момент «Вольво» набух сизо-огненным шаром, из которого нелепо торчала голова Десантуры, пламя скомкало шефа целиком, как бумажную фигурку, я почувствовал, что мне очень жарко, и увидел в сердцевине пылающего ада чью-то руку.

Она махала мне, словно приглашая войти.

Странная такая рука: тощая, жилистая, безволосая, покрытая необычной татуировкой... Я постарался приблизиться, чтобы рассмотреть татуировку, и мне это удалось – на предплечье гостеприимной руки скалился усатый дракон, топорща спинной гребень.

Потом я оглянулся и увидел самого себя.

Я лежал ничком около чадящей машины, рядом со мной валялась оторванная взрывом голова Десантуры, блестя зо-

лотыми зубами, под моим правым ухом торчал зазубренный осколок, а от подъезда ковыляла причитающая дворничиха тетя Настя.

Я увидел это и запомнил навсегда – потому что я никогда ничего не забываю.

Это мое проклятие и моя работа.

Когда-то я прочитал в одной умной книжечке, что «полушария человеческого мозга по-разному обеспечивают контакт с различными областями внешних раздражителей». Имелось в виду, что левое полушарие занимается логическими и аналитическими операциями, раскладывая все по полочкам и приклеивая к каждой полочке соответствующий ярлычок; стихия же правого полушария – целостное восприятие реальности, интуиция, пространственные и музыкальные представления, то есть алогичное и бессознательное.

Там же было написано, что левое, логическое полушарие у младенцев практически не функционирует, развиваясь в процессе социализации будущего члена общества. Видимо, неловкая акушерка изрядно повредила правую часть скрытого в моей бедной головке глобуса – в результате чего левая, компенсируя дефект, стала развиваться излишне поспешно. Оттенки и обертоны оказались для меня тайной за семью печатями – зато учителя в школе и университете ходили на ушах при виде студиозуса, способного процитировать учебник слово в слово с любой страницы и с любой строки на выбор. Они не понимали, что для меня это так же просто,

как для них обнаружить разницу между алым и малиновым или не перепутать «до» и «фа», причем в разных октавах.

А после университета меня подобрал шеф.

...Дракон на тощей руке подмигнул мне, радостно вызвываясь блестящим острозубьем, отчего стал ужасно похож на безвинно пострадавшего Десантуру, – и оба полушария моего мозга растеклись киселем.

А когда я пришел в себя – я усиленно кланялся, держа в руках странного вида инструмент со многими струнами, и смотрел на кого-то снизу вверх, видя только четырехугольную шляпу с широкими полями и презрительно сжатый рот, до которого не доставала тень от громоздкого головного убора.

Здесь это называлось Безумием Будды, но я еще ничего не знал и решил, что это просто безумие.

Потому что мир был цветным и звонким.

Часть вторая

Маленький архат

*В одном положении наносятся три удара,
один удар вызывает три повреждения, изменения
многочисленны и непредсказуемы.*

Из поучений мастеров

Глава третья

1

– Итак, не соблаговолит ли прекрасная госпожа ответить на несколько вопросов ничтожного канцеляриста?

«Прекрасная госпожа» Сюань, не оборачиваясь, молча кивнула и тихонечко всхлипнула. Судья Бао оценил грациозность кивка и своевременность всхлипа отставной наложницы, после чего немного помолчал, собираясь с мыслями. С одной стороны, он втайне сочувствовал красавице Сюань, еще несколько дней назад – всесильной фаворитке сиятельного Чжоу-вана, которую принц теперь отсылал с глаз долой в ее родной уездный городишко. И вне всяких сомнений, там Сюаньнуй Беспорочную (при этом словосочетании судья не удержался от мимолетной улыбки, но тут же вновь стал се-

рьезным) вскорости выдадут замуж за какого-нибудь мелко-го чиновника, и будет Дева Девяти небес прозябать в провинции до конца дней своих, нещадно пиля муженька и рассказывая всем встречным-поперечным о блистательной прошлой жизни, которая, увы...

Но, с другой стороны, это все личные заботы госпожи Сюань. А ему, судье Бао, даже на руку, что недавняя фаворитка Чжоу-вана отныне впала в немилость – как же, позволил бы принц допросить свою любимицу до того, как Восьмая Тетушка залила личико Сюаньной собственной кровью, вдобавок украсив наложницу собачьим трупом!

Так что судья внутренне встряхнулся, приводя мысли в порядок и отстраняясь от бранных чувств, туманящих холодное зеркало рассудка – а это он умел делать не хуже бритоголовых слугителей Будды, если не лучше иных из премудрых хэшанов, – и участливым тоном задал первый вопрос:

– Как вы полагаете, госпожа Сюань, зачем покушавшейся злоумышленнице понадобилось убивать вашу собачку?

Вопрос звучал наивно, но задать его было необходимо.

Пауза.

Точно рассчитанная, не короткая и не длинная, как раз в меру.

– Не знаю! – Рыдающий вскрик, заламывание тонких рук и новая череда всхлипываний, похожая на небрежный перебор струн циня. – Эта ужасная женщина, эта бесовка, эта...

убийца с не мытыми от рождения волосами – ее подослали!

– Вы подозреваете, кто это мог сделать? – Выездной следователь слегка приподнял правую бровь.

Всякий, увидевший эту бровь, этот понимающе-ироничный излом, должен был мигом сообразить: сказанное до того – чушь, пустозвонство, и продолжать не стоит.

Но Сюаньной Беспорочная не интересовалась в данный момент чужими бровями и намеками.

– Да! Подозреваю! – Забывшись, она наконец повернулась к судье лицом, и Бао Драконова Печать увидел: красные, распухшие от слез веки, грязные потеки туши на щеках, прорывшие бороздки в обильном слое белил, посиневшие, трясущиеся губы, запавшие в уголках глаз морщинки... Нет, ничуть не походила эта страдающая женщина на ту надменную утонченную красавицу Сюань, которую судье пару раз доводилось лицезреть в несколько иной обстановке. – Я не могу назвать вам имен, высокоуважаемый сяньигун, но это сделали враги сиятельного Чжоу-вана! Более того – это сделали враги Поднебесной!

«Так уж прямо и Поднебесной?» – еле удержался, чтоб не спросить, судья Бао.

Вместо этого он пододвинул бывшей красавице переносную жаровенку в виде растопырившей лапы черепахи, и Дева Девяти небес судорожно принялась отогревать над угольями зябнувшие не по погоде руки.

– Тогда что мешало врагам государства приказать зло-

умышленнице убить самого принца? Она вполне могла бы это сделать, – резонно возразил судья. – И, полагаю, убийство кровнородственного вана на глазах у нингоусцев было бы гораздо большей потерей для Поднебесной, чем трагическая гибель вашей собачки – простите за откровенность.

Сейчас он мог позволить себе подобную откровенность – павшие фаворитки и чучела тигров не опасны.

– Не знаю, – пролепетала госпожа Сюань, скривившись подобно маленькой девочке. – Я...

Тут до нее, видимо, дошло, как она сейчас выглядит, и женщина поспешно отвернулась.

– Извините меня, господин Бао, я вернусь через минутку. – И она почти выбежала из комнаты.

Судья Бао не последовал за ней – сидел, оглядывал покои дома, подаренного фаворитке принцем Чжоу года два тому назад. Изысканный вкус хозяйки был виден во всем: шторы оттенка весенних цветов мэйхуа, на стенах пейзажи работы Ван Мэя, стоявшие целое состояние, мебель инкрустирована перламутром, по углам – узкогорлые вазы с изображениями невинных отроков и небесных полководцев...

Увы, ничто не постоянно в мирах Желтой пыли, и самое преходящее – милость сильных мира сего!

Вернулась госпожа Сюань действительно на удивление быстро, и судья Бао в очередной раз изумился, как разительно может измениться женщина за столь короткое время. Исчезли слезы и потеки туши, лицо выглядело шедевром живо-

писца, прическа была искусно приведена в порядок, и только неестественно блестящие и припухшие глаза выдавали состояние красавицы Сюань.

— Я не знаю, господин Бао, почему эта ужасная женщина не убила сиятельного Чжоу-вана, — с порога заговорила Сюань, помахивая перед собой дымящейся палочкой благородного сандала. — Но на это, видимо, были свои причины. Вы, достойнейший сяньгун, несомненно, знаете свое дело лучше любого из судейских и успели раскрыть немало преступлений, но интриги, которые плетут враги Сына Неба и его сиятельного брата, бывают столь коварны и запутанны...

Продолжая говорить, она присела за невысокий изящный столик, стоявший в дальнем конце комнаты, картинным жестом воткнула сандаловую палочку в выгнутый колокольчик курильницы и принялась машинально перебирать многочисленные коробочки из полированной яшмы, нефритовые флакончики и украшенные орнаментами шкатулки с бальзамами, благовониями, притираниями, украшениями и еще неизвестно чем, которыми он был заставлен. Госпожа Сюань сидела вполоборота к судье, и тот невольно залюбовался ее печальным профилем, отчетливо вырисовывавшимся на фоне приоткрытого окна.

— ...Столь коварны и запутанны, что проследить их цель даже такому проницательному человеку, как вы, господин Бао, будет непросто. Быть может, сиятельный Чжоу-ван нужен злоумышленникам живым, чтобы использовать принца

в своих гнусных целях; тем более теперь, когда меня уже не будет с ним. – Глаза Сюаньной Беспорочной вновь наполнились слезами. – Кто вдохновит сиятельного Чжоу-вана изысканными стихами и достойными примерами для подражания?!

Явно увлекшись, госпожа Сюань неожиданно заговорила глубоким мелодичным голосом, и произносимые нараспев слова сразу наполнили комнату, невольно заставляя вслушиваться и внимать каждому звуку с трепетом душевным, так что судье Бао стоило некоторого труда избавиться от этого наваждения.

– Кто напомним кровнородственному принцу о смелом Цао Пэе,¹⁷ благородном Су Цине¹⁸ или пылком У-ване?!¹⁹ Кто поддержит великого Чжоу в трудную минуту советом и утешением? О, теперь в его душе навеки поселятся осенние ветры, которые будут шептать ему холодные слова отчаяния и злобы, и некому отныне...

Поняв, что больше от убитой горем женщины ничего

---

¹⁷ Цао Пэй – сын известного полководца Цао Цао; после смерти своего отца в 220 г. силой низложил императора Сянь-ди, последнего представителя династии Хань, и, объявив императором себя, основал новую династию Вэй, просуществовавшую до 264 г.

¹⁸ Су Цинь (IV в. до н. э.) – известный дипломат и государственный деятель, объединивший и возглавивший силы шести княжеств для борьбы с могущественным княжеством Цинь. Достигнув власти, остался великодушным и честным человеком, за что и заслужил любовь народа.

¹⁹ У-ван – основатель династии Чжоу (1122—247 гг. до н. э.), свергший последнего императора предшествующей династии Шан Чжоу Синя.

не добьешься, выездной следователь поспешил откланяться. Что-то крылось в словах отвергнутой фаворитки, какие-то неуловимые нити, на которые следовало бы обратить внимание, но достойный сяньигун никак не мог вытащить это «что-то» на поверхность темного пруда своего рассудка, а потому решил временно отложить размышления на эту тему.

На сегодня у него был намечен еще один визит.

Пожалуй, не менее важный.

2

Цзюйжэнь Тун, чью замечательную тигровую орхидею вдребезги изорвал сошедший с ума торговец Фан Юйши, был болен. Он пластом лежал в кровати, укрытый, несмотря на теплый день, двумя шерстяными одеялами и еще легким покрывалом, и время от времени издавал протяжный стон. Одеяла были натянуты до самого подбородка, а на лбу у цзюйжэня Туна покоилось пропитанное яблочным уксусом полотенце, время от времени сменяемое его младшей женой, – так что из всех тридцати восьми частей тела несчастного цзюйжэня виден был лишь один не в меру длинный нос, которым Тун страдальчески шмыгал.

Судья Бао невольно хмыкнул при виде этой душещипательной картины, и ему пришло в голову, что господин Тун сейчас весьма смахивает на заплаканную наложницу Сюань. Это сравнение сразу же загнало внутрь уже готовую было

проступить на губах выездного следователя улыбку. Он давно привык доверять случайно всплывающим в голове мыслям, пусть даже и не оформившимся до конца в уверенную догадку. Неспроста пришло оное сравнение на ум дотошному следователю, не первый год и даже не первое десятилетие «Поддерживающему Неустрашимость»! Небо свидетель, существовала некая скрытая связь не только между этими двумя дурацкими происшествиями, но и между двумя пострадавшими людьми, чиновником Туном и наложницей Сюань. И судья Бао твердо решил эту связь выяснить.

– Как ваше драгоценное здоровье, уважаемый господин Тун? – вежливо поинтересовался следователь, присаживаясь рядом с постелью больного в плетеное кресло, услужливо пододвинутое младшей женой.

И еле заметного кивка хватило, чтобы понятливая хозяйка выскользнула из комнаты.

– Ох, и не спрашивайте, господин судья! – хнычущим голосом простонал цзюйжэнь из-под одеяла. – Когда я обнаружил то непотребство, что сотворил проклятый варвар с моей любимой орхидеей, – думал, рассвета уж не увижу! А ведь я ее растил, лелеял, берег пуще сына родного, потому что готовил в подарок для сиятельного Чжоу-вана...

Сердце слегка екнуло в груди судьи, но высокоуважаемый сяньгун не подал вида, насколько взволновало и заинтересовало его это известие.

– Так вы заранее выращивали подарок сиятельному прин-

цу? – с воодушевлением, подобающим случаю, переспросил он.

– Разумеется, господин Бао! Не один месяц готовился я к этому знаменательному дню, когда смогу вновь увидеть столь горячо любимого всеми нами, и мною в особенности, сиятельного Чжоу-вана, дабы преподнести ему взлелеянную мной орхидею несравненной красоты и прочесть специально к этому случаю сочиненные вашим ничтожным собеседником стихи!

Досточтимому Туну едва хватило дыхания, чтобы произвести этот потрясающий, но несколько длинноватый пассаж.

– И вот из-за подлого варвара, достойного казни бамбуковой пилой на деревянном осле, все мои труды пропали даром! Нечего подарить мне принцу, да и сам я занемог и не в силах теперь отправиться в Столицу на сдачу экзаменов, к которым столь старательно готовился дни и ночи!

– Не отчаивайтесь так, уважаемый господин Тун. – В голосе судьи звучало неподдельное сочувствие, хотя такового он отнюдь не испытывал к этому заносчивому неженке, не привыкшему стойко сносить удары судьбы. – Вы обязательно поправитесь и успешно сдадите экзамены в следующем году. Я уверен, весь Нинго еще будет гордиться вами! А что касается подарка сиятельному Чжоу-вану, то у вас ведь остались стихи? Кто же мешает вам усладить утонченный слух принца изящнейшими строками, перед коими наверняка меркнет слава стихотворцев прошлого?

– Да, стихи... – растерянно промямлил цзюйжэнь Тун, пряча под одеяло и нос, словно стыдясь солнечного света. – Но не могу же я явиться к принцу без подготовленного мной дара, каковым являлась моя не имеющая себе соперников орхидея! Стихи предполагались лишь в качестве дополнения к ней, не более... Нет, нет и нет! И не уговаривайте меня!

– Но вы позволите хотя бы мне, недостойному, насладиться дарами вашего поэтического таланта? – вкрадчиво поинтересовался судья, и не собиравшийся уговаривать возбужденного Туна. – Разумеется, они предназначались не мне, низшему из низших ценителей, – но теперь, когда ваш тонкий план по воле судьбы потерпел неудачу, неужели ваши прекрасные стихи должны пропасть втуне? Неужели вы лишите меня несравненного удовольствия прочесть их?

– О, не стоит об этом, – зардевшийся цзюйжэнь был явно польщен. – Впрочем, если вы так настаиваете...

Судья постарался покинуть дом цзюйжэня Туна как можно скорее, унося под мышкой продолговатую шкатулку, украшенную затейливой резьбой. В ней лежал длиннющий свиток, испещренный мелкими каллиграфическими иероглифами в стиле «бутонов и плодов». На чтение сего труда должно было уйти немало времени, но судья твердо решил ознакомиться с ним сегодня же вечером.

И во всех подробностях.

Выездной следователь чувствовал, что он на верном пути.

В канцелярии, как всегда, было душно, так же монотонно жужжали мухи и сюцай Сингэ Третий. Впрочем, за десять с лишним лет службы в Нинго судья Бао успел привыкнуть и к мухам, и к сюцаю, воспринимая их примерно одинаково – то есть просто не воспринимая. Более того, монотонное жужжание и непрерывный поток нудных рассказов Сингэ Третьего создавали некий фон, которым судья как бы отгораживался от внешнего мира, сосредоточиваясь на своих мыслях.

Увы, на этот раз сосредоточиться ему не дали. Сначала судье пришлось-таки на скорую руку разобраться с ворохом скопившихся на его столе жалоб, прошений и заявлений, игнорировать которые и далее он уже просто не мог – в конце концов, повседневные служебные обязанности судья должен выполнять независимо от расследования, навешенного на него принцем Чжоу!

Как раз в тот момент, когда судья Бао дописывал свое решение на последней жалобе и собирался передать весь ворох ненавистных бумаг тихо зудевшему в углу сюцаю – так сказать, к исполнению, – в дверь вежливо, но настойчиво постучали. Через мгновение стук повторился, и на пороге появился давешний распорядитель сиятельного Чжоу-вана. Судья тяжело вздохнул, отодвигая в сторону бумаги, и до его ушей долетела последняя фраза неугомонного сюцая:

– Вот тут-то и вошел к нему демон, и потребовал...

Что именно потребовал демон и от кого, судье узнать так и не довелось. Потому что Сингэ Третий, подняв голову от собственных ногтей, которые тщательно полировал крохотной пилочкой, узрел вошедшего и обалдело захлопнул свой рот – что с сюцаем, надо заметить, происходило крайне редко.

Сразу же выяснилось, что придворный почитатель Конфуция зашел справиться о ходе порученного судье расследования. Судья туманно сообщил об «опросе свидетелей, проведенном освидетельствовании трупов, сборе улик, а также некоторых других предпринимаемых следствием шагах, о результатах которых говорить пока еще преждевременно», – и распорядитель, недвусмысленно напомнив, что сиятельный принц Чжоу крайне заинтересован в скорейшем раскрытии этого дела, наконец удалился.

Судья Бао перевел дух, с нескрываемым злорадством лично сгрузил рассмотренные бумаги на стол пребывавшего в ступоре сюца и снова попытался сосредоточиться на расследуемом деле.

– ...А еще, говорят, – мигом опомнился Сингэ Третий, – престранная собака по городу бегает: воет под окнами, честным людям в глаза заглядывает – аж мороз по коже! – и все лапой на земле чертит, вроде как иероглифы старого головастикowego письма; да что там собака – вон сюцай Лу Цзунь, что из аптекарской управы, рассказывал вчера, буд-

то к нему говорящий леопард приходил, весь в квадратных пятнах! Рыкнул ругательно, откусил у его, Лу Цзуня, любимой козы ногу, поблагодарил и ушел...

«Кто б тебе язык откусил, – подумал выездной следователь, извлекая из шкатулки свиток со стихами, – я бы того сам поблагодарил!»

И Бао Драконова Печать углубился в изучение поэмы в честь сиятельного вана, отрешившись от болтовни Сингэ Третьего.

Было уже поздно, когда высокоуважаемый сяньгигун осилил наконец поэму словообильного цзюйжэня. Тем не менее судья, быстро зайдя домой, проглотив ужин и прикрикнув на жену, не хотевшую отпускать мужа на ночь глядя, снова вышел на улицу. Он очень надеялся, что Лань Даосин до сих пор в городе – а с кем еще, кроме Железной Шапки, мог поделиться своими догадками выездной следователь? Только мудрый даос, ежедневно соприкасавшийся с незримым миром духов и демонов, знающий и видящий многое, недоступное обычным людям, мог выслушать его без улыбки и, возможно, даже чем-то помочь. А помощь судье Бао сейчас была ой как нужна!

Тем не менее, направляясь к окраине Нинго, где находилось временное жилище даоса, судья продолжал терзаться сомнениями. Конечно, Лань Даосин человек мудрый и уважаемый, даже, можно сказать, его друг, который не ста-

нет трепать языком на площадях и базарах, как, к примеру, Сингэ Третий, но все же он, судья Бао, не вправе доверять постороннему сведения, являющиеся служебной тайной.

Это с одной стороны.

А с другой стороны, он, судья Бао, явно зашел в тупик. Сведений от посланного лазутчика в ближайшее время ждать не приходится, всевозможные факты и улики собраны, выводы сделаны – а далее следствие в его лице уперлось в непреодолимую стену.

Непреодолимую обычными методами.

А мягко говоря, «необычные» методы Лань Даосина не единожды помогали судье прийти к разгадке, о чем выездной следователь Бао регулярно забывал упомянуть в своих отчетах. Возможно, и на этот раз даосский маг сумеет разобраться со сверхъестественным – а уж с повседневным судья Бао и сам разберется!

В конце концов, ведь он собирается прибегнуть к помощи Железной Шапки в интересах следствия! И не все ли равно будет потом принцу Чжоу, да и всем остальным, каким способом судья Бао распутал это дело?!

Главное – результат, а не препятствия и борьба с ними...

Вот на этой самой мысли препятствие возникло не только на пути следствия, но и на пути самого судьи.

И оно, то бишь вышеупомянутое препятствие, имело вид двух изрядно подвыпивших оборванцев, вывалившихся из дверей харчевни, мимо которой как раз проходил судья.

– А вот, братки мои разлюбезные, и толстый чиновник, у которого наверняка водятся денежки! – радостно возопил один из забулдыг, нетвердой рукой извлекая из ножен короткий кривой меч (кстати, совершенно не полагавшийся ему по чину и званию). – Эй, толстячок, тряхни мошной, одолжи-ка нам связочку-другую медяков, а еще лучше пару ланов²⁰ – и мы с удовольствием выпьем за твое драгоценное здоровье, чтобы ты стал еще толще!

И оба проходимца радостно захохотали над этой шуткой, подступая к судье вплотную.

Это и было их ошибкой. Меч, пускай даже короткий, все же хорош на некотором расстоянии. А судья Бао, хоть с виду и впрямь был грузен и неуклюж, в свое время особо отмечался столичным наставником при Академии Истинной Добродетели во время сдачи очередного экзамена по кулачному бою.

Оружия сяньгун не носил – но его и не потребовалось. Перехватив руку с мечом за запястье, он коротко рванул ее обладателя на себя, одновременно нанеся ему мощный тычок в локоть, от которого любитель чужих ланов с криком покатился по земле, не успев заработать ничего, кроме двойного перелома.

Завладеть мечом судья не смог. Но пока второй быстро трезвеющий грабитель судорожно извлекал откуда-то из-за

---

²⁰ Лан – слиток серебра, служивший с древних времен весовой денежной единицей.

спины два широких ножа-«бабочки», в воздухе успела весело присвистнуть тяжелая серебряная печать на витом синем шнуре, которую судья всегда носил на поясе, – и второй любитель выпивки на дармовщинку тихо улегся рядом со своим истошно орущим товарищем; а всякий желающий мог всласть налюбоваться багровеющим отпечатком дракона, кусающего собственный хвост, на лбу пострадавшего.

Но следующую ошибку совершил уже сам судья Бао.

Вместо того чтобы поспешить за стражниками, он нагнулся над поверженными противниками, опрометчиво собираясь связать их собственными поясами. В этот самый момент из дверей харчевни и вывалила целая компания вооруженных молодцов, привлеченных криками своего приятеля.

Сколько их было, судье сосчитать не удалось. Да он, собственно, и не пытался считать врагов. Подхватив с земли оброненный первым грабителем меч, Бао наискось рубанул по лицу ближнего нападающего, в обратном движении зацепил еще одного, пытавшегося зайти сбоку, – но тут судью сбили наземь, вырвали из рук оружие и стали остервенело пинать ногами.

«Убьют!» – обреченно понял судья, захлебываясь кровью и криком.

– Эй, братки, а может, хватит? – вдруг нерешительно остановился один из дебоширов. – Смотрите, какая у толстяка печать – небось судья местный! А за судью нас и в горах достанут, и в лесах отыщут...

– Судья, значит? – Сухопарый крепыш в рваной безрукавке и широченных штанах подскочил к говорившему и схватил его за грудки, сверля своего насмерть перепуганного братка безумным взглядом.

На самом дне этих горящих глаз покачивались дымные облачка, как бывает у всех злоупотребляющих опиумом.

– А ты посмотри, что твой судья сделал с Лысым Фаном! – заорал он, топорща растрепанную жидкую бороденку и брызжа слюной. – Он ему голову напополам разрубил! А Чжао-Умнику руку в двадцати местах сломал! Клянусь чужой мамой и не своими детьми, плевать мне на то, кто он такой, – я никому не позволю убивать и калечить моих людей!

Отшвырнув менее решительного товарища, крепыш – явно главарь шайки, приехавшей в Нинго по своим темным делишкам, – растолкал всех и, рванув с пояса секирку с короткой ручкой, взмахнул ею над головой, намереваясь раскроить сяньгигуну череп.

Лезвие полыхнуло в сумерках отраженным светом заката, судья Бао увидел накрывающее его желтое облако и решил, что он уже умер.

К счастью, он снова ошибся.

Из желтого облака в какой-то неуловимый момент выросли две жилистых руки с очень знакомой татуировкой, и облако молча и деловито свернуло шею главарю разбойников.

Это судья Бао еще успел заметить. А что произошло потом, он заметить не успел – и не только потому, что лежал

на земле, кашляя и плюясь багровой слюной, а один глаз у него заплывал основательным кровоподтеком. Просто удивительное желтое облако внезапно превратилось в размазавшийся по небу драконий хвост, и к тому времени, когда этот хвост вновь собрался в одном месте, судья Бао только-только начал вставать, нашаривая на земле оброненный меч, чтобы помочь нежданному спасителю, – но тут выяснилось, что помощь не требуется. Те же сухие жилистые руки, будто высеченные из железного дерева, без труда поставили не до конца пришедшего в себя судью на ноги – и выездной следователь Бао увидел, что разбойники лежат на земле в самых разнообразных позах.

Мертвые.

Все.

– Да простит меня высокоуважаемый сяньигун за то, что я лишил его возможности предать этих негодяев справедливому суду, – смиренно произнес преподобный Бань, с поклоном подавая судье его печать и шапку. – Но у меня просто не оставалось иного выхода.

Монах помолчал и добавил:

– Еще раз великодушно прошу простить ничтожного инокка.

4

Наверное, после этого прискорбного происшествия судье

следовало бы вернуться домой и позвать лекаря – но выездной следователь Бао недаром носил почетный титул Господина, Поддерживающего Неустрашимость.

Говорить было больно, но можно. Дождавшись появления уже спешивших на шум стражников и отдав им все необходимые распоряжения, доблестный сянъигун наотрез отказался от настойчивых предложений Баня-спасителя проводить его до дома. Дескать, тридцать и еще три раза благодарен вам, милосердный бодисатва,²¹ но уж лучше вы проводите стражу до канцелярии и проследите за ходом освидетельствования, а я зайду в лавчонку напротив, умоюсь и поплечусь себе в одиночестве.

Что?

А, конечно... дойду, дойду, не тревожьтесь, все цело... ну, в крайнем случае, пошлю лавочника за носильщиками с паланкином!..

Насчет того, что у него все цело, судья изрядно приви-рал. Тучность, о которой уже было говорено, и впрямь спасла сянъигуна Бао от многих неприятных последствий, но колола в бокую этакая опаска по поводу одного-двух сломанных ребер, время от времени вынуждая сплевывать в сторону слюной цвета столь любимой даосами киновари. Да и членораздельно объясняться с преподобным Банем становилось все труднее – давали о себе знать разбитые губы и несколько

---

²¹ *Бодисатва* – святой, вплотную подошедший к Нирване, но отказавшийся от состояния Будды ради спасения всех живущих на земле (и не только) существ.

потерянных зубов.

Впрочем, настойчивость судьи – при всех его благодарностях, многократно высказанных вслух, – наконец дала свои результаты. Стражники удалились, таща на волокушах из копий и плащей тела лихих молодцов, преподобный Бань после некоторых сомнений последовал за ними, а судья действительно зашел в лавку. Там испуганный старик торговец помог ему умыться и перетянуть двумя полотенцами болевший все сильнее бок, после чего достойный сяньигун похромал дальше.

Продолжим свой так удивительно прерванный путь к жилищу мудрого даоса – ибо, кроме как жилищем, то есть местом, где в принципе жить можно, но не стоит, сие странное сооружение назвать было трудно.

И всю дорогу судья Бао размышлял: случайно ли нападение на него гуляющих людишек и откуда так своевременно объявился преподобный бодисатва из тайной канцелярии всемогущего Чжан Во, монах-убийца с клеймом тигра и дракона на руках?!

Лань Даосин, к счастью, был дома. Не спрашивая, что произошло с судьей (впрочем, об этом можно было догадаться, и не обладая сверхъестественными способностями), даос мигом заставил гостя раздеться догола и усадил в огромную лохань с подогретой водой. После чего быстро и умело обработал все обнаруженные на теле достойного сяньигуна повре-

ждения, не обращая внимания на кряхтение и стоны своего подопечного, смазал разбитое лицо остро пахнувшей мазью и сунул в руки разомлевшему Бао глиняную чашку с какой-то подозрительной мутноватой жидкостью.

Когда даос отошел к большому чурбану, служившему магу столом, и взял оттуда кусок пчелиного воска, напоминающий по форме лошадиный череп, принявшись машинально сдавливать воск пальцами в разных местах, судью Бао поразила перемена, происшедшая с магом мгновенно и неотвратимо, будто удар молнии.

Лань Даосин стоял, не делая ничего особо примечательного, – невысокий, худой, даже, можно сказать, щуплый человек в драном полосатом халате, сандалиях с плетеными завязками и в неизменной железной шапке, похожей на рыбий хвост, но сквозь весь этот невзрачный облик явственно проступало нечто темное и страшное, как поднимающееся из прозрачных глубин морское чудовище.

– Они умрут, – тихо бросил даос, и пальцы его судорожно сжались, комкая череп из воска.

Судья Бао не спросил, о ком идет речь. И так было понятно. Он даже не успел произнести ни слова, как вдруг гримаса нечеловеческой досады исказила лицо Железной Шапки.

Словно невидимые пальцы повторили с лицом даоса то же, что он сам мгновение назад сотворил с восковым черепом.

– Жаль! – почти выкрикнул маг. – Ах, как жаль, друг мой

Бао!..

– Что жаль? – Судья так и не понял: спросил он это вслух или только подумал?

Но Лань Даосин ответил:

– Жаль, что они уже умерли. Преподобный Бань перестарался. Ну да ничего...

И на этот раз судья решил не интересоваться, что имеет в виду даос-чародей.

– А чем это ты поишь меня, о Мудрец Белых Облаков? – шутливо перевел выездной следователь опасную беседу в иное русло.

– Соломоцвет двузубый, клей из оленьих рогов, – думая о своем, машинально ответил Железная Шапка, – ветви коричневого дерева, щит черепахи, кардамон, пион светлый, пропущенные зерна проса...

Тут он опомнился и замолчал, а судья Бао поспешил отхлебнуть из выданной ему чашки, хотя перечисленные компоненты не вызвали у него особого доверия.

Наконец Лань Даосин расслабился, бросил бесформенный кусок воска обратно на чурбан и, усевшись на циновку, приготовился терпеливо слушать.

– Для начала хочу попросить прощения, что в очередной раз обеспокоил тебя, святой Лань, – начал судья, прихлебывая терпкую горячую настойку, оказавшуюся удивительно приятной на вкус. – Мало того, что всякий раз помогаешь ты мне, как, например, только что облегчил мои телесные

страдания, — так я, недостойный, снова обращаюсь к тебе за содействием. И не за таким, которое ты уже оказал мне, а за другим, куда более существенным! Смею ли я надеяться...

— Надеяться — смеешь. Говори.

Реплика даоса прозвучала столь неожиданно, что судья на мгновение сбился, потеряв нить своих мыслей.

— Хорошо, уважаемый Лань, я ценю твое время и потому постараюсь быть кратким, — проговорил он, быстро справившись с собственным замешательством. — Ты слышал о недавнем нападении на принца Чжоу и его охрану?

— Только глухой мог об этом не услышать, — проворчал даос. — Но все это суета, не интересующая бедного отшельника. Особенно сейчас, когда в мирах Желтой пыли творятся куда более любопытные вещи...

— И тем не менее позволю себе обратить твое внимание на некоторые особенности нападения. — Судья Бао был вежлив, но тверд, и Лань Даосину пришлось выслушать краткую историю этого действительно удивительного дела в изложении судьи Бао.

И впрямь:

Я знаю —

Змеи впереди меня

И яростные тигры

Позади.

Дверь в ад уже открыта —

Заходи

И окунись
В неистовость огня.

Лань Даосин выслушал.

Подумал немного, ничего не сказал и налил гостю еще полчашки своей настойки, от которой Бао действительно чувствовал себя значительно лучше – особенно сидя в лохани с медленно остывающей водой.

Выездной следователь истолковал намек правильно, отхлебнул глоток и продолжил.

– А слышал ли ты, светоч Дао, о бесславно погибшей тигровой орхидее цзюйжэня Туна? – задал он в достаточной мере риторический вопрос, после чего снова принялся рассказывать.

Лань Даосин выслушал и это повествование. По его отрешенному лицу невозможно было выяснить, заинтересовало ли мага услышанное хоть в малейшей степени.

– Ну а теперь я позволю еще немного испытать твоё терпение, святой Лань. И поведаю тебе, к каким выводам я пришел, расследуя эти два преступления, которые на самом деле кажутся мне звеньями одной очень длинной цепи.

Маг благосклонно кивнул, давая понять, что отнюдь не против узнать, к каким же выводам пришел судья.

«Интересно, хоть чем-то тебя пронять можно? – подумал судья Бао. – Ну ничего, главный-то подарок я приберегу под конец!»

РАССКАЗ СУДЬИ БАО, или Отрывок из «БЕСЕД В ЛОХАНИ»,

**составленных через десять с лишним
лет после описываемых событий
даосским отшельником Лань Даосином**

– Так вот, в обоих происшествиях – казалось бы, внешне ничем не связанных, – есть общая суть. И не только их кажущаяся нелепость и бессмысленность; не только то, что в обоих случаях преступники, исполнив задуманное, покончили счеты с жизнью, хотя и этого достаточно, чтобы предположить наличие некоей внутренней связи между случившимся в разное время и в разных местах. Главное не это: оба происшествия косвенно связаны с принцем Чжоу! Безумная женщина, одержимая неведомо каким духом, силой прорывается к кровнородственному вану – но вместо брата Сына Неба убивает собачку его любимой наложницы, после чего перерезает себе горло! В результате сиятельный Чжоу-ван мгновенно охладевает к своей недавней фаворитке. Конечно, лишившаяся чувств Сюаньнуй Беспорочная, с искаженным от страха лицом, залитым чужой кровью, и с дохлой собачонкой на груди – далеко не самое приятное зрелище! Особенно

когда принц привык видеть в наложнице утонченную поэтическую натуру, чуждую земной грязи как в прямом, так и в переносном смысле! И тут – с небес да в отхожую яму, как метко выражаются простолюдины...

Заметим, что красавица Сюань обладала немалым влиянием на принца – я сам недавно имел возможность убедиться, какое поразительное действие оказывает на слушателя ее замечательный голос. О да, она действительно любит сиятельного Чжоу-вана; она, как могла, помогала ему советами, вдохновляла примерами из жизни древних правителей... с моей точки зрения, весьма достойными и весьма своеобразными примерами: Су Цинь, У-ван, Цао Пэй – крайне любопытные образцы для подражания! Ведь все они, при прочих неоспоримых достоинствах, пришли к власти насильственным путем, свергнув предыдущего законного правителя!

Не думаю, что госпожа Сюань сознательно подталкивала принца к мысли о захвате престола или убийстве собственного брата, но выбранные ею герои древности наводят меня, скудоумного, на некоторые размышления...

Что же касается тигровой орхидеи господина Туна, то именно этот цветок он намеревался приподнести сиятельному Чжоу-вану в честь его возвращения в удел! А ведь тигровая орхидея, о мудрый Лань, не только символ красоты и изысканности – но также знак силы и власти! Особенно в сочетании с вот такими стихами:

Ты – герой Лю Бан в наши дни!
Ты – мудрец Чэн Тан в наши дни!
Великаны прошлых времен
Стали Чжоу-вану сродни!

– Надеюсь, моему уважаемому собеседнику излишне объяснять, кто такие Лю Бан и Чэн Тан, упоминаемые в этом выкидыше поэтической утробы, и каким путем они пришли к власти? А там есть еще много других прелюбопытнейших фрагментов, которые я, к сожалению, не запомнил в их оригинальном виде. Подобные намеки-восхваления вкупе с тигровой орхидеей и влиянием госпожи Сюань...

Впрочем, все это только могло произойти. Но не произошло – благодаря необъяснимому, но крайне своевременно безумию, охватившему тишайшую женушку неизвестного красильщика Мао, а также почтенного торговца Фан Юй-ши. В результате чего прекрасная госпожа Сюань больше не станет подталкивать принца Чжоу к ненужным для кровнородственного вана мыслям; да и вообще все, связанное с бывшей фавориткой, теперь наверняка будет вызывать у сиятельного Чжоу-вана легкую брезгливость. Чего, заметьте, не произошло бы, если бы госпожа Сюань была убита и принц скорбел бы о безвременно погибшей возлюбленной! Ну а стихи, восхваляющие все истинные или мнимые достоинства и доблести Чжоу-вана, теперь никогда не будут услышаны принцем; а его неумеренный поклонник господин Тун не поедет в этом году в Столицу сдавать экзамены – и, сле-

довательно, не сможет претендовать на более высокую ученую степень и повышение по службе.

Кстати, не далее как сегодня я имел возможность лично убедиться, на что способен сопровождающий принца преподобный Бань, когда дело доходит до серьезной схватки, и теперь я начинаю думать: не слишком ли промедлил достойный монах, когда Восьмая Тетушка ломала шеи охране принца? С его-то мастерством...

* * *

...Судья умолк, давая понять собеседнику, что сказал достаточно.

Некоторое время Лань Даосин тоже молчал.

– Слишком тонкий расчет, – пробормотал он наконец. – Это не похоже на методы преподобного Чжан Во, главы тайной службы Поднебесной. Конечно, наставник Чжан – человек умный и знающий толк в интригах, но он скорее приказал бы просто-напросто убрать сиятельного Чжоу-вана без лишнего шума, разом решив все проблемы.

«А святой Лань разбирается в делах нашего суетного мира куда лучше, чем стремится показать», – отметил про себя судья.

– Но принц Чжоу мог быть зачем-то нужен им живым. – Судья вспомнил слова красавицы Сюань, одновременно не став уточнять, кому именно – «им».

– Не исключено, – слегка наклонил голову даос, и его железная шапка тускло сверкнула, поймав пригоршню лунных бликов, – ночь снаружи давно вступила в свои права. – Не исключено. Однако те, кто задумал и осуществил подобный заговор, должны обладать просто божественной проницательностью, доступной лишь немногим из познавших Истинное Дао, или, как говорят служители Будды, сподобившихся Просветления! Но употребить столь великий дар ради достижения столь суетной цели... Сомневаюсь. Вдобавок невидимка, стоящий за всем случившимся, обладает весьма необычными способностями, природа которых пока не ясна даже мне.

– Возможно, то, что я сейчас скажу, отчасти поможет тебе прояснить природу этих сил, – с замиранием сердца произнес судья. – Ответь, святой Лань: знакомы ли тебе изображения тигра и дракона, которые можно увидеть на предплечьях монахов, прошедших знаменитый Лабиринт Манекенов монастыря у горы Сун?

– Разумеется.

– Тогда знай, что именно эти изображения в виде отчетливо видимых трупных пятен проявились на предплечьях Восьмой Тетушки и торговца Фан Юйши на второй день после их смерти!

На сей раз даос молчал долго.

Очень долго.

И вода в лохани совсем остыла.

Судья Бао подумал-подумал, выбрался наружу и стал, постанывая и кряхтя, одеваться.

– Ты знаешь, друг мой Бао, – произнес наконец Железная Шапка, – наверное, я еще далек от Истинного Пути.

– Почему, друг мой Лань? – Последние слова вырвались у судьи сами собой, и вспухший бок словно стал болеть вдвое меньше.

– Потому что я самонадеянно полагал, что уже разучился удивляться. Твой рассказ удивил меня. Более того, он меня заинтересовал. Что ж, друг мой Бао, тайна за тайну. Я расскажу тебе, что беспокоит меня последние несколько месяцев, на что я пытаюсь – и пока не могу – найти ответ. Может, мы попробуем найти его вместе. И, может быть, в какой-то мере это будет ответ и на твои вопросы.

Рассказ даосского мага Лань Даосина,

**записанный судьей Бао той же ночью,
но так и не включенный впоследствии
в отчет о расследовании удивительного
покушения, имевшего место в городе Нинго**

Думаю, не стоит напоминать тебе, друг мой Бао, о том, что творится в последнее время в Поднебесной, – впрочем, насколько мне известно, почти не затронув остальные миры Желтой пыли. Странная болезнь, о какой ранее никто не подозревал, получившая среди простолюдинов неверное название «Безумие Будды»; не могущие обрести покоя бесы, ищущие себе замену среди живых; а еще звери-оборотни, летающие на облаке якши-кровососы, с ног до головы поросшие длинными белесыми волосами, демоны Преисподней, что без разрешения Владыки Темного Приказа выходят в мир живых...

Да, я не сомневаюсь, что ты обо всем подобном много слышал, а кое-что и видел собственными глазами.

Я же наоборот: многое видел, к моему сожалению, ибо предпочел бы доживать свой век в неведении; а кое о чем слышал.

И впрямь:

Я хочу смешать с землею небо,
Слить всю необъятную природу
С первозданным хаосом навеки.

Раньше такие случаи, нарушающие гармонию предопределенности, происходили раз в десять-двадцать лет, а сейчас – чуть ли не ежедневно! Все (вернее, почти все) думают, что наши беды начались в последний год, но это не так, поверь слову бедного отшельника – просто в последний год это начали замечать даже слепцы! А те, кто в меру сил пытается следовать Пути, и неважно, как мы зовем этот Путь – Безначальным Дао или Учением Будды... Мой учитель, небожитель из Западной Земли Пэнлай, говаривал, что Закон Кармы взбаламутили около полувека назад, примерно когда из Поднебесной изгонялись остатки варваров-монголов и сокрушалась династия Юань; я склонен ему верить, как верил до сих пор. Но тогда никто не придавал этому особого значения: даосов, плавающих киноварные пилюли бессмертия, не слишком интересовала суeta людей и нелюдей, последователи Кун-цзы совершенствовали себя и ритуалы, не в силах усовершенствовать мир, бритоголовые хэшаны настойчиво искали просветления и иногда находили, а осталь-

ным... остальным было все равно.

Теперь же я начинаю опасаться, что мы опоздали, упустив время сомневаться и раздумывать. Ибо мне кажется, будто на нас неотвратимо надвигается хаос из не существовавших прежде, и под его натиском потускнела отчасти даже изначальная чистота великого Дао – хотя раньше я считал, что такое невозможно!

Я и сейчас так считаю.

Но сейчас я верю в невозможное.

Что-то безнадежно разладилось в самой основе мироздания, сдвинулся какой-то маленький камешек – и мы с криками барахтаемся под вызванной им лавиной, грозящей погresti под собой всю Поднебесную. Возможно, именно в этом и состоит сейчас Путь Истины – понять, что происходит, и попытаться устранить причину. Попытаться, даже зная, что наши слабые потуги обречены на провал. Недеяние – не значит вообще не действовать, лежа на циновке или резном ложе и обреченно глядя в потолок. Недеяние – это действие, не отягощенное чувствами, без горечи при поражении и радости при победе. Чистое зеркало отражает все, пока на него не ляжет пыль ложных страстей... впрочем, я отвлекся. Где-то на этом Пути лежит и та частная истина, которую ищешь ты, расследуя порученное тебе дело. Уверен: если мы сможем понять целиком, что происходит в Поднебесной, то легко сумеем решить и твою загадку.

То, о чем поведал ты: властные знаки тигра и дракона,²² проявившиеся на руках преступников после смерти, дало новый толчок скудным мыслям бедного отшельника. Возможно, мы действительно на шаг приблизились к разгадке. Ведь искусство боя, которому не была обучена Восьмая Те-тушка, но которое неожиданно проявилось в ней, сродни тому, что люди называют «Безумием Будды»! И поведение торговца Фан Юйши, покончившего с собой над уничтоженной им же тигровой орхидеей, свойственно скорее героям древности, нежели обычному торговцу сладостями. Не были ли эти двое орудиями в чьих-то руках? Орудиями, выращенными, быть может, еще в прошлой или даже более давних жизнях, когда на их предплечьях и появились вышеупомянутые знаки? Что, если кто-то из людей, бесов или небожителей (пока это не столь важно) нашел ключ к Закону Кармы и теперь безраздельно и безнаказанно пользуется им?! Ведь столь тонкий расчет, как тот, о котором ты мне поведал, невозможно сделать, не зная – вернее, не чувствуя наперед, куда протянутся от каждого нового узла нити судеб. А для этого... для этого обыденного знания недостаточно!

Как недостаточно его и нам, чтобы осознать причинудвигающегося на мир хаоса.

Ты принял два правильных решения, друг мой Бао: по-

---

²² Тигр и дракон олицетворяли в числе прочего власть (в том числе и власть императорскую) и связь двух противоположностей, из которых складывается мироздание. Дракон – начало Ян, государь, восток и т. п.; тигр – начало Инь, запад, полководец и т. п.

слал лазутчика в монастырь у горы Сун и пришел ко мне за помощью.

Все, что можно увидеть глазами, услышать ушами и осмыслить разумом или сердцем, узнает и поведает нам твой лазутчик.

Ну а мы попробуем тем временем иной способ. Он небезопасен, но другого выхода я не вижу.

Нам придется нанести визит Владыке Восточного Пика.

* * *

– Полагаю, ты хотел сказать – владыке Преисподней Яньло? – уточнил судья Бао, внимательно выслушав даоса.

– Я сказал именно то, что хотел сказать, друг мой Бао. Нам следует поговорить с Тем, в чьем ведении управа Перерождений и судьи загробного мира. А это и есть Владыка Восточного Пика, хозяин горы Тайшань, именуемой в народе Величайшей.

– А я-то всегда считал, что перерождениями ведаёт князь Темного Приказа, господин Яньло, – пробормотал себе под нос выездной следователь.

Но спорить с магом не стал, справедливо решив, что тому виднее. Несомненно, даосу было известно многое. Как, к примеру, Железная Шапка узнал о засланном в монастырь лазутчике, судья даже представить себе не мог, а потому почел за благо не заострять внимания на опасной теме.

– Но почему ты не сделал этого ранее, друг мой Лань? – поинтересовался он.

– На то было несколько причин, – неохотно отозвался Лань Даосин, налив и себе лечебной настойки. – Во-первых, до того как я услышал твою историю, я еще не был до конца уверен в необходимости такого рискованного шага. Во-вторых, как я уже говорил, это небезопасно – за все надо платить, и нельзя предугадать заранее, какую именно плату потребует Владыка. А отказываться или торговаться будет поздно. В-третьих... у нас, идущих по Пути Дао, свои отношения с мирами теней, демонов или духов; мы не всегда можем напрямую обратиться к их властелинам – нужен человек, который бы поручил нам это и от имени которого мы могли бы действовать. Кстати, такой человек будет подвергаться не меньшей опасности, чем, к примеру, я, – так что советую тебе еще раз как следует подумать, друг мой Бао, прежде чем решиться на подобный шаг! Ну и, наконец, для того чтобы попасть на прием к Владыке Восточного Пика, нам понадобится свежий покойник, умерший ненасильственной смертью, которого мы возьмемся сопровождать.

Судья ничего не успел ответить своему другу, потому что в следующий момент дверь в жилище даоса распахнулась самым непочтительным образом, и на пороге возникла растрепанная молодая женщина, вся в слезах, которая немедленно пала на колени при виде судьи и мага.

В этой женщине судья с удивлением и тревогой узнал слу-

жанку Мэйнян из собственного дома.

— Господин судья, господин судья! — пролепетала служанка с пола. — Ваш племянник... молодой господин Чжун... он только что умер!

И, выговорив это, она дала волю с трудом сдерживаемым рыданиям.

Судья и маг посмотрели друг на друга, и оба, не сговариваясь, слегка кивнули.

Оба поняли, что это — судьба.

6

Выехать из Нинго на рассвете, как хотел даос, не получилось: судье сперва пришлось выдержать неравный бой со всей своей убитой горем родней, не ставшей, однако, от этого более покладистой. Родня вопила, ссылалась на все традиции, которые только существовали с того дня, когда стрелок И сбил с неба девять солнц из десяти, и наотрез отказывалась отпускать покойного Чжуна куда бы то ни было из родного Нинго. Лишь клятвенное обещание, что он, судья Бао, вместе со святым Ланем отыщут наиболее благоприятное с точки зрения геомантии место для захоронения юноши, после чего испросят у князя Яньло особого благоволения для безвременно усопшего, — лишь это возымело наконец свое действие.

Затем выездной следователь (который под конец препи-

рательств с родней начал чувствовать, что его вот-вот хватит заворот мозгов) направился отдавать распоряжения своему заместителю, тинвэю²³ Фу. К счастью, заместитель у судьи был толковый, так что Бао вполне мог на него положиться.

Потом – сборы в дорогу. Впрочем, выезжать из города судье приходилось нередко, так что собираться он привык быстро.

В общем, незадолго до полудня повозка судьи, запряженная низкорослой каурой лошадкой, остановилась возле жилища Лань Даосина на окраине Нинго. У входа в это странное сооружение, не устававшее поражать воображение судьи, был привязан меланхолично жующий сено упитанный ослик с мордой существа, давным-давно познавшего Дао. Ослик наверняка принадлежал магу, но откуда он у него взялся, судья понятия не имел.

Едва слуга судьи Бао, на этот раз исполнявший роль возницы, остановил голубую, разукрашенную золотыми и розовыми лотосами повозку – на пороге жилища мигом возник Железная Шапка собственной персоной, оценивающе окинул взглядом повозку и сидящих на ней людей.

– Ты, друг мой Бао, прямо не на похороны, а на Праздник Фонарей Юаньсяо собрался! – заметил он, подходя к повозке.

– Извини, друг мой Лань, – развел руками выездной следователь, – другой повозки у меня не нашлось, а перекраши-

---

²³ *Тинвэй* – чиновник, ведающий уголовными преступлениями.

вать эту не было времени.

– Ничего, – пробормотал даос, склоняясь над лежащим в повозке покойником, – так даже лучше. Может быть, посыльные Янь-вана не так быстро учуют нас и не явятся за твоим племянником раньше времени.

– Янь-вана? – переспросил судья, наблюдая за тем, как Лань Даосин сосредоточенно водит руками над телом покойного и на лбу даоса постепенно проступают мелкие капельки пота.

– Именно так следует называть Владыку Темного Приказа во время встречи с ним. – Голос мага был глух и невнятен. – И не вздумай назвать его просто Яньло – разгневается...

Наконец Железная Шапка прекратил свои загадочные действия, устало вытер пот со лба и, коротко бросив: «Поехали!» – принялся отвязывать своего ослика.

– А куда мы, собственно, направляемся, друг мой Лань? – осведомился судья Бао, когда даос ловко оседлал ослика-мудреца, повесил позади себя на спину безропотного животного две связанные ремнем сумки из темно-красной кожи со странным орнаментом по краю и поравнялся с уже тронувшейся с места повозкой.

– В провинцию Сычуань, уезд Фэньду, – коротко бросил даос и умолк, явно сочтя дальнейшие пояснения излишними.

Пояснения действительно были излишними. Почти любой житель Поднебесной, включая и выездного следователя

Бао, прекрасно знал, что именно в уезде Фэньду провинции Сычуань находится спуск в ад Фэньду, где и стоит дворец Сэньло Владыки Яньло, которого в глаза лучше называть Яньваном.

А то разгневается.

Видимо, Владыка Восточного Пика в то время, когда не сидел на своей горе Тайшань, обитал где-то поблизости.

А вот где именно в уезде Фэньду находится спуск в обиталища обоих Владык – это было известно отнюдь не многим. Впрочем, судья надеялся, что Лань Даосин должен входить в число людей, осведомленных в этом вопросе.

Они уже почти выехали из города, когда внимание судьи привлекло некое странное движение на обочине дороги. Придержав возницу, судья, охнув от вспышки боли в пострадавшем боку, слез с повозки. После чего принялся во все глаза разглядывать удивительное существо, кружившее как заведенное в дорожной пыли.

Это была большая собака неопределенной масти, вся покрытая толстым слоем грязи. Хребет у собаки был перебит, потемневший и тоже успевший покрыться пылью язык вывалился из пасти, задние лапы бессильно волочились по земле, но пес упорно двигал свое умирающее тело по кругу, из последних сил перебирая передними лапами.

На земле был хорошо виден этот совершенно правильный круг, вычерченный в пыли собачьим телом.

Заслышав шаги судьи, пес с трудом повернул голову, взглянул в лицо подходящему человеку – и судья Бао невольно вздрогнул от этого взгляда, настолько человеческим он ему показался, столько боли и муки было в нем. Но не только страдание и ожидание медлящей смерти – было во влажной глубине еще что-то. Предчувствие скорого избавления? Надежда на нечто, непонятное другим? Досада от всеобщего непонимания? Или иная тайна, какую невозможно выразить известными людям словами?

По телу собаки прошла судорога, глаза закатились, подергиваясь мутной пленкой, – но последним усилием пес привел в движение еще слушавшиеся его передние лапы, и они с трудом вывели в пыли несколько совершенно неуместных в данной ситуации знаков.

Потом тело собаки вытянулось и застыло.

Судья сделал шаг, другой – и наконец смог разобрать, что именно начертил в пыли пес, вложив остатки жизни в это последнее усилие.

Иероглифы.

Два старых иероглифа, написанных головастиковым письмом: «цзин» и «жань».

Так и запомнился судье его отъезд из Нинго, в одной повозке с покойником и в сопровождении хмурого даоса: идеально ровный круг, вычерченный в дорожной пыли, мертвый пес, замерший с совершенно человеческим выражением умиротворения на собачьей морде, – и два вписанных в круг

иероглифа: «цзин» и «жань».

Чистое и грязное.

Глава четвертая

1

Мясо было таким жестким и жилистым, что сразу становилось ясно: эта корова умерла своей смертью после долгих лет существования впроголодь.

Нож был таким тупым, что сразу становилось ясно: оселок не прикасался к его лезвию по меньшей мере в течение трех предыдущих жизней этого куска железа.

Змееныш Цай обреченно скрипел проклятым ножом по проклятому мясу, прекрасно понимая, что выполнить приказ – до полудня разделать выданные ему полутуши говядины – он не сможет даже в случае особого расположения милостивого Будды.

Впрочем, он уже привык к подобным заданиям.

Таскать воду дырявым ведром; мыть полы, по которым время от времени прохаживалась толпа монахов в грязных сандалиях, беседуя исключительно о высоком; покорно выслушивать обвинения то в воровстве, то в непочтительности, то еще в чем-то, кланяясь и не предпринимая малейших попыток оправдаться – за такие попытки больно били пал-

кой и продолжали обвинять с удесятеренным рвением; по сто раз на дню доставлять преподобным отцам забытые ими где попало веера и мухобойки, вместо благодарности получая оплеухи...

Во многом это напоминало службу в Шаньдунском гарнизоне, где Змееныш Цай служил около года в качестве вольнонаемного пехотинца. В результате этой службы господин тайвэй, начальник гарнизона, имевший дурную привычку убивать молоденьких солдат в случае отказа возлечь с ним на ложе, был неожиданно предан суду, жестоко бит плетями и сослан на юг с лишением должности и звания.

Подробные донесения Змееныша, которому для этого дважды пришлось уступить развратному тайвэю, сыграли в опале военачальника не самую малую роль.

В Шаньдуне старые солдаты издевались над новобранцами ничуть не меньше, чем шаолиньские монахи – над претендентами на рясу и дхарму.²⁴ Но эти шутки, зачастую весьма злые, чем-то неуловимо различались меж собой, и пилящий жесткое мясо тупым ножом Змееныш все время думал: в чем же разница?!

Ему казалось, что именно в этом неуловимом различии, как в скрытом под жесткой скорлупой ядре ореха, кроется если не ответ на вопрос, то хотя бы часть ответа.

Все чаще и чаще он вспоминал слова раненого хэшана,

---

²⁴ Претендовать на рясу и дхарму (в данном случае на закон, учение) – стремиться стать буддийским монахом.

услышанные в страшной роще, достойной украшать скорее варварские земли, чем окрестности благочестивой обители:

– Если хочешь, чтобы патриарх Шаолиня назвал тебя послушником, – забудь эти слова.

– Какие?

– Справедливость и подлость. Человеческая нравственность заканчивается у ног Будды, и не думай, что это плохо или хорошо. Это просто по-другому. Совсем по-другому.

Шаньдунские старослужащие многократно восхваляли свою собственную справедливость и подлость глупых новобранцев, упрямо не желающих понимать, что для них зло, а что – благо.

Шаолиньские монахи никогда не говорили об этом, словно человеческая нравственность, столь любимые мудрым Кун-цзы правила морального и культурного поведения «ли» вообще не существовали для преподобных бойцов, лучшие из которых пополняли ряды тайной службы могущественного Чжан Во!

Они не издевались над соискателями и молодыми монахами, хотя поведение их донельзя напоминало именно издевательства; они даже не «учили жизни», как любили говаривать солдаты-шаньдунцы, – со стороны могло показаться, что искушенные последователи Будды просто-напросто выполняют какую-то скучную работу, которую непременно надо завершить к назначенному сроку.

Чем?

Чем должна была завершиться эта работа?!

Учитывая тот замечательный факт, что как только молодой монах допускался к общим занятиям в Зале Закона, где практиковались «вэньда» – диалоги между наставником и учениками, помогавшие достичь духовного пробуждения, – так вот, с этой самой минуты прекращались все издевательства над человеком, хотя бы раз преступившим порог Зала Закона!

Ответить на этот вопрос было труднее, чем справиться с коровьей полутушей при помощи тупого ножа.

Особенно зная, что монахи не вкушают убоины, и поэтому работа Змееныша вдвойне бессмысленна.

Увесистый подзатыльник вернул Змееныша Цая к действительности. Он захныкал для пущей убедительности, потер затылок и опасливо повернулся к ударившему.

За последний месяц лазутчик жизни успел привыкнуть к страшному лицу преподобного Фэна, главного повара монастырской кухни, и не шарахаться в сторону от полусумасшедшего старика монаха с неизменным деревянным диском под мышкой.

Диск был сделан из полированного ясеня, в поперечнике достигал примерно локтя и весь был исписан углем. Однажды, приглядевшись, Змееныш Цай обнаружил, что покрывавшие игрушку преподобного Фэна иероглифы, мелкие-мелкие, как муравьиные письмена, представляют из се-

бя знаки всего двух видов: иероглиф «цзин», то есть «чистое», и иероглиф «жань», то есть «грязное». Время от времени старый монах стирал часть знаков и дописывал на их место новые – но всегда одни и те же, просто в другом порядке.

Цзин и жань, грязь и чистота.

Что это должно было означать, Змееныш Цай не знал, да и не очень-то стремился узнать.

Мало ли какие причуды могут быть у похожего на беса преподобного Фэна?!

Повар аккуратно поставил диск в угол, кинул на стол пучок зелени и молодого чеснока, а потом прищелкнул пальцами и выразительно покосился на Змееныша. Дескать, закончишь возиться с мясом и покрошишь все это мелко-меленько вон в ту миску. Если бы тогда, во дворе любвеобильной толстушки, Змееныш Цай не слышал собственными ушами, как преподобный Фэн припевал себе под нос историю про старого Гао, одновременно вытворяя всякие чудеса с ивовою корзинкой, он скорее всего счел бы изуродованного повара немым. Во всяком случае, за истекший месяц Змееныш не услышал от преподобного Фэна ни единого слова. Жесты и гримасы, от которых старик выглядел еще более похожим на беса, вот и все.

Один из слуг – тот самый, который бегал в бамбуковую рощу за раненым хэшаном и проникся после этого к Змеенышу особым расположением, – как-то рассказал Цаю исто-

рию неразговорчивого повара. Оказывается, когда позапрошлый настоятель Шаолиня Хой Фу после долгих раздумий решил-таки откликнуться на просьбу предводителя «красных повязок» Чжу Юаньчжана и послать к нему в армию шестерых монахов для обучения восставших воинскому искусству – одного из святых бойцов сопровождал совсем еще молоденький монашек Фэн.

В первой же битве около озера Желтого Дракона, увлекшись в пылу сражения и не услышав приказа об отступлении, юный Фэн оказался окружен десятком монголов, и один из них, изловчившись, сумел ударить Фэна копьем в рот. Узкий наконечник разворотил несчастному губы и вышел из правой щеки, попутно повредив язык, но дальше случилось невероятное. Пробивавшийся к своему служке опытный монах-воитель собственными глазами видел, как яростно ревуший Фэн перекусил древко копья – к счастью, не окованное железом у наконечника, – и с торчащим прямо из лица железным жалом, мотая головой подобно дикому зверю, кинулся на врагов.

Монголы в страхе бежали, а еле живого Фэна выволокли из горнила боя и успели оттащить в безопасное место.

Видимо, срок для следующего перерождения юного монаха еще не наступил – опытные лекари сумели спасти Фэну жизнь, но лицо его с тех пор отвращало от себя взгляды окружающих.

Вернувшись в монастырь, преподобный Фэн больше ни-

когда не покидал его в течение полувека с лишним, прошедшего со дня сражения у озера Желтого Дракона. Многое успело совершиться за это время: захватчики бежали в северные степи, вождь «красных повязок» Чжу Юаньчжан стал императором Хун У, монахи-воители были назначены высшими сановниками императорского двора, а тому монаху, которого сопровождал несчастный Фэн, была поручена реставрация Великой Стены; знаменитому монастырю у горы Сун указом нынешнего императора Юн Лэ были переданы в подчинение земли четырех окрестных обителей...

А в Шаолине усердно трудился на кухне уродливый монах, ставший в конце концов главным поваром и научившийся делать из злаков и овощей блюда, по вкусу, запаху и внешнему виду неотличимые от мясных, – что до невозможности радовало некоторых преподобных отцов, получивших таким образом возможность потакать своему чреву, одновременно соблюдая заповеди Будды и древних патриархов.

Единственное, о чем спорили иногда в монастыре: деревянный диск, исписанный иероглифами «цзин» и «жань», появился у повара Фэна до того, как произошло решающее сражение, заложившее зерно будущей смены династий, или после?

Спорили долго и безрезультатно.

Сам Фэн не отвечал.

Он вообще почти не разговаривал.

Но ему и не требовалось этого: готовить пищу можно и

молча. Зато когда похожий на беса монах выходил на глинобитную площадку близ внутреннего двора, где обычно проводились общие занятия по кулачному бою, обитатели Шао-линя всех семи рангов старшинства лишь всплескивали руками, дивясь невозможному, неправдоподобному искусству повара.

Потом преподобный Фэн останавливался – зачастую на середине какого-нибудь тао,²⁵ так и не доведя его до конца, – подбирал свой неизменный диск и уходил на кухню.

И всем оставалось только недоумевать: почему отец Фэн никогда даже не пытался сдать экзамены на право клейма тигра и дракона, подав патриарху прошение разрешить официальное посещение Лабиринта Манекенов?!

По общему мнению, если уж кто и должен был пройти эти испытания без особых трудностей, так это преподобный Фэн, молчаливый монах с изуродованным лицом и деревянным диском под мышкой.

2

Гроза налетела внезапно.

Косматые тучи тайком подкрались с запада, ночью – и небо рухнуло ливнем на вздрогнувшую в лихорадочном ознобе гору Сун. Видимо, божественный полководец Гу-

---

²⁵ *Тао* – комплекс формальных упражнений какого-либо стиля воинских искусств.

ань-ди, ниспровергающий бесов, сильно разозлился на досаждающую этому миру нечисть, потому что ветвистые молнии следовали почти без перерыва одна за другой, пламенными многозубцами поражая невидимых врагов, а хриплые раскаты грома заставляли трепетать даже самые отважные сердца.

Дождевые струи неистово плясали по крышам и плитам, которыми был вымощен внутренний двор, подкрадывались к Залу тысячи Будд и гневно стучали в плотно прикрытую дверь – небось тоже хотели пройтись в боевых стойках по знаменитому каменному полу, где за прошедшие века остались цепочки выбоин от тысяч ног обучающихся монахов. Небесные драконы резвились в сизой пелене, взмахивая чешуйчатыми бородами, и конца-края этому буйству стихий не предвиделось.

Уставших за день монахов, спящих в сэнтане,²⁶ не больно-то интересовали игры драконов и ярость Гуань-ди, ужаса бесов. Спи, пока дают, – ведь в конце пятой стражи²⁷ так или иначе подымут и заставят идти во двор, под большой двускатный навес, лишенный стен, где и посадят в двухчасовую медитацию, которая должна напоминать обитателям Шаоли-

---

²⁶ *Сэнтан* – дословно «монашеский зал», помещение, где спали и занимались индивидуальной медитацией; питаться к этому времени стали не здесь, а в монастырской трапезной.

²⁷ Пятая стража заканчивалась в пять часов утра.

ня о девятилетнем сидении великого Пути Дамо,²⁸ Борода-того Варвара, Патриарха-в-одной-сандалии. И уж наверняка наставники с палками жестоко вразумят тех ленивцев, кого станет клонить в сон или кого беспокоят посторонние мысли о сырости и холоде. Ударят дважды, по одной палке на каждое плечо провинившегося, не жалея сил и рвения, а ты кланяйся да благодари учителей со всем тщанием за рачительную заботу о твоей личности!

Так что спите, братья, пока спится, сбросив монашеское платье на внешний край узкой скамейки-ложа, представлявший из себя полированный оловянный выступ!

Спите и не интересуйтесь тем глупцом, который теряет драгоценные часы, медленно пробираясь из внутреннего зала в зал внешний, неразличимой тенью мелькая в просветах между колонн перехода. Ну, приспичило кому помочиться, невзирая на ливень, так что ж теперь, всем из-за этого не спать?!

Во всяком случае, Змееныш Цай очень надеялся, что никто из отдыхающих монахов не станет тратить редкие минуты сна на наблюдение за ним, ничтожным кандидатом; а уж по части умения неслышно перемещаться в любом незнакомом помещении лазутчик жизни мог дать фору матерой лисе, забравшейся в курятник. Змееныша вместе с остальными

---

²⁸ Пути Дамо (инд. Бодхидхарма, яп. Бодай-Дарума) – двадцать восьмой буддийский патриарх и первый (во всяком случае, в Китае) патриарх Чань, в VI в. н. э. пришедший в Поднебесную и обосновавшийся в Шаолине.

соискателями только прошлым вечером пустили в сэнтан и разрешили там ночевать, а до того они спали во дворе под навесом, мучаясь от ночной прохлады и насекомых. Никто ведь и не знал, что бабка лазутчика Цая с пеленок приучала внука к весьма своеобразному способу ночного отдыха, вымотавшему бы иного неподготовленного человека до предела: заснув, Змееныш непременно просыпался после трети отведенного для отдыха срока, затем бодрствовал одну четверть общего времени и снова засыпал, мгновенно проваливаясь в небытие и вставая в точно назначенную самому себе минуту.

Сейчас это просто спасало лазутчику жизнь – ведь он не рискнул бы на глазах у преподобных отцов демонстрировать свое знакомство с тайнами мазей и иглоукалывания, особенно когда ты не имеешь права говорить вслух об истинной цели подобного рода занятий!

А жить-то хочется...

Вот и ходил Змееныш каждую ночь тайком в Храм тепловой комнаты, где монахи обрызгивали по утрам себя и друг друга подогретой в чанах водой. Глотал пилюли, продлевающие молодость, мучил тело иглами, втирал в кожу мази и сбрызгивал каплями отваров, с ужасом видя, что принятые меры смогут продлить его ложную юность в лучшем случае еще на полгода.

Значит, это и есть тот срок, в течение которого надо выковырять из монастырских щелей ответы на вопросы судьи

Бао. Выковырять, в руках подержать, сунуть за пазуху – и, что самое главное, суметь с ними вернуться.

Ну что ж, значит, так тому и быть...

Ползи, Змееныш!

Возвращаясь обратно из Храма теплой комнаты и подставляя разгоряченное после притираний лицо дождевым струям, Змееныш Цай вдруг резко остановился – и через мгновение растворился в мерцающей водяной завесе. Распластавшись всем телом на шероховатой стене сэнтана всего в десяти шагах от входной двери, куда лазутчик не успел нырнуть, он с удивлением выяснил, что не одинок в своей любви к ночным похождениям.

Более того: не узнать в бредущем через весь двор монахе преподобного Фэна с его неизменным диском под мышкой мог только слепой.

Старый монах шел, не оглядываясь по сторонам, неестественно выпрямив спину, ступая подчеркнуто твердо – в отличие от его обычного мягкого, слегка крадущегося шага. Змеенышу даже показалось сперва, что монастырский повар страдает одержимостью, ибо так ходят люди, чьим телом насильно завладел бес или дух умершего.

А учитывая то, что творилось сейчас в Поднебесной...

Преподобный Фэн наискось пересек внутренний двор, некоторое время постоял под ливнем, чернея каменной статуей в синих вспышках молний, и уверенно направился к

западному крылу монастыря — туда, где находились патриаршие покои. Вход в эти помещения был закрыт для всех, включая и самого уродливого повара. Это не распространялось на нескольких особо доверенных лиц и высших иерархов братии, а остальные члены общины могли только мечтать о подобной привилегии.

Пеньковые сандалии повара глухо шлепали по мокрым плитам, а за маленькой фигуркой с деревянным диском неслышно и невидимо крался Змееныш Цай, время от времени нервно принюхивавшийся, словно поймавшая след охотничья собака.

Но близко подходить к запретному входу в покои патриарха преподобный Фэн не стал. Обогнув западное крыло, он той же уверенной походкой двинулся к решетчатым, никогда не запирающимся воротам, за которыми начиналась массивная каменная лестница, ведущая в монастырские подвалы. Согласно правилам обители, все двери в монастыре были открыты для любого монаха, будь он новичком или опытным наставником Закона, — за исключением все тех же покоев патриарха. Но подвалы Шаолия... Ведь именно там, в этих смертельно опасных подземельях, располагался знаменитый Лабиринт Манекенов, созданный гениальным механиком древности, который, по слухам, и сам не всегда знал, каким образом срабатывает его детище!

И Змееныш Цай, ни минуты не колеблясь, последовал за странным поваром, когда тот принялся спускаться по бле-

стоящим от дождя ступеням во мглу подземелья.

Внизу царила непроглядная темень, но для двоих людей, оказавшихся в сыром коридоре, свет не был так уж необходим: отец Фэн явно ходил здесь далеко не в первый раз, а умение видеть в темноте испокон веку числилось в списке талантов семейства Цай. Поэтому Змееныш не упустил того момента, когда преподобный повар остановился и принялся совершенно бессмысленно тыкать краем своего диска в оказавшуюся перед ним дверь.

Змееныш Цай нырнул в тень удачно подвернувшейся ниши – темнота темнотой, а осторожность еще никому не повредила – и пригляделся.

На двери просматривались смазанные следы от множества печатей – наложенных, а затем не особо тщательно соскобленных, словно хозяин этой двери знал: опечатывать дверь придется еще неоднократно, так что стараться не стоит.

За этой дверью и начинался Лабиринт Манекенов.

И именно эту дверь опечатывали за спиной вошедшего внутрь монаха – потому что обратного пути для сдающего высшие экзамены не было.

Обратный путь вел разве что в канцелярию владыки Преисподней, князя Яньло, где трусу назначат следующую жизнь по мерке его дрожащей душонки.

Повар еще несколько раз ткнул диском в дверь, отозвавшуюся недовольным гулом, и присел на корточки. Вынул из-за пазухи тряпку и принялся елозить по своему диску. Стер

часть написанного, потом отцепил от пояса привешенный к нему берестяной короб, извлек из короба кусочек уголька и задумчиво уставился в слезящийся потолок.

Уголек ткнулся в полированную деревянную поверхность – сперва неуверенно, как новорожденный кутенок вслепую ищет материнский сосок, затем все настойчивей...

«Пишет, – догадался Змееныш. – Цзин и жань, чистое и грязное. Как же у него дождем-то все иероглифы не посмывало?.. Или посмывало все-таки?! Но тогда что он стирал тряпкой?»

Монах через некоторое время удовлетворился результатом и гнусаво захихикал. Смех его внезапно заполнил весь коридор, скрытые за дверью подземелья радостно откликнулись, преисполнившись сумрачного веселья. Но так же неожиданно, как и возник, смех странного монаха Фэна смолк.

На мгновение оторопевший Цай завертел головой и проворонил тот миг, когда преподобный Фэн подпрыгнул, как тощий облезлый кот, трижды ударив в стену рядом с дверью. Для этого монаху пришлось извернуться всем телом, потому что иначе не было никакой возможности сперва пнуть ребром левой стопы в ничем не примечательный камень на уровне пупка, потом левой ладонью звонко шлепнуть наотмашь о выбоину чуть повыше лица – и тут же, словно оттолкнувшись от воздуха, взмыть на добрый локоть, крутануться волчком и подошвой правой ноги вклепать добрую пощечину

выщербленному кирпичу, напоминавшему оскаленную морду сказочного зверя гунь.

Дверь в Лабиринт Манекенов подумала-подумала, обиженно закрипела и стала открываться.

Приземлившийся и замерший на корточках отец Фэн неслышно захлопал в ладоши, подобно играющему ребенку, затем подхватил с земляного пола свой диск и бегом кинулся в темноту, где незримо крылись тысячи смертей.

3

Дверь за спиной монаха немедленно захлопнулась, не оставляя Змеенышу Цаю выбора: оставаться здесь или же набраться смелости и последовать за поваром.

Наверняка именно в Лабиринте, откуда выходили с клеймом тигра и дракона на руках или не выходили вовсе, и крылась разгадка головоломки, мучившей судью Бао, но Змееныш был далек от того, чтобы переоценивать собственные силы.

На всякий случай он подошел и надавил на дверь.

Нет.

Дверь не поддавалась, а открыть ее тем же способом, что и старый Фэн... Вот они, потайные «ключи»: ребристый камень на уровне пупка, выбоина на ладонь выше лица и кирпич с мордой голодного гуня. Всех-то дел – повторить прыжок преподобного повара! А промахнешься или ударишь не

с той силой – и свалится тебе на голову какая-нибудь мраморная плита или откроется под ногами бездонный колодец, до дна которого лететь дольше, чем до адской канцелярии владыки Яньло...

Сверху послышался осторожный шорох, и кто-то стал потихоньку спускаться по лестнице в монастырские подвалы, повторяя недавний путь повара Фэна и лазутчика жизни.

Видимо, тех, кто не спал этой грозовой ночью в обители близ горы Сун, было больше, чем двое.

Змееныш мгновенно вжался спиной в спасительную нишу, прекрасно понимая, что будет, если его застанут здесь, у двери в Лабиринт Манекенов. Небось еще и откроют, и внутрь пригласят: иди, уважаемый, а мы тут за твоей спиной вход опечатаем и забьем крест-накрест... Мысль о сражении с незванным гостем в случае разоблачения даже не пришла лазутчику в голову, причем отнюдь не потому, что Змееныш трусил.

Он никогда не трусил – не умел; он осторожничал и прикидывал.

За его плечами были обманчивость внешнего облика, тайны семейной школы Цай-цюань и наука покойной бабки; за плечами шаолиньского монаха, покрытыми священной кашей... Нет, Змееныш прекрасно понимал: он без особого труда справится с новичком, еще не получившим почетную веревку-пояс из рук преподобного наставника, с «опоясанным» бойцом придется драться насмерть, а против стражни-

ка патриаршего отряда или знатока-шифу²⁹ у лазутчика не будет ни единого шанса.

И как раз тут на лестнице мелькнуло спускающееся пятно света, Змееныш пригляделся и с облегчением перевел дух.

Битва или смерть откладывались на неопределенный срок.

В течение прошедшего месяца Змееныш собственными глазами не раз видел восьмерых монахов-детей, шестеро из которых по разным причинам и воле знатных родителей посвятили себя Будде лет с трех-четырех, а двое родились в поселке слуг и были благосклонно одобрены патриархом для дальнейшего обучения в обители. Эти преподобные дети, которым сейчас было рукой подать до того дня, когда их станут называть подростками, не раз тайком забежали на кухню в попытках поживиться чем-нибудь съестным – и Змееныш, втихаря балуя их остатками еды, еще тогда выделил для себя одного из вечно голодных монашков.

Которого то ли в шутку, то ли всерьез местные бритоголовые отцы прозвали Маленьким Архатом.

Ребенок был красив, как иногда бывают красивы деревенские дурачки. Тонкие, почти прозрачные черты лица, напоминающие лики небожителей с картин Сю-ци, и при этом – безвольно скошенный подбородок, слегка отвисшая нижняя губа...

И глаза.

---

²⁹ *Шифу* – дословно «учитель искусства».

Глаза отнюдь не дурачка, но и не небожителя.

Два скованных льдом озера, в которые смотреть – и то зябко.

Маленький Архат спустился до конца лестницы, поднял крохотный светильничек над головой, но оглядываться по сторонам не стал – на счастье Змееныша, который застыл в спасительной нише, приняв совершенно неестественную для человека позу.

Зато и силуэт лазутчика смотрелся скорее бесформенным комком сошедшей с ума тьмы, нежели прячущимся соглядатаем.

Маленький Архат подошел к двери и поставил свой светильник на землю. Потом полез в складки кашьи и через некоторое время извлек веревку. Встал как раз на то место, с которого не так давно прыгал преподобный Фэн, постоял, подумал и бросил веревку вверх.

«А парень-то не промах!» – оценил Змееныш, наблюдая, как со второго раза веревка зацепилась за выгнутый крюк, торчавший из потолка и до последней минуты не замеченный лазутчиком.

Маленький Архат подергал свою замечательную веревку, скрутил на свисающем конце петлю («Повеситься хочет, что ли?» – подумалось Цаю) и продел в нее правую руку по локоть.

После чего подпрыгнул, уцепился левой рукой чуть повы-

ше и повис, словно горная обезьяна.

Змееныш Цай чуть не ахнул, когда малыш в рясе ловко раскачался и выбил пятками тройную дробь по нужному камню, выбоине и скалящемуся кирпичу – сделав это с гораздо меньшими затратами сил, чем уродливый повар Фэн.

А потом тихо засмеялся, соскочил на пол и пошел себе мимо открывшейся двери во тьму Лабиринта Манекенов.

Лазутчик жизни еще только начал размышлять над двумя вещами – почему эхо не захотело на этот раз подхватить смех Маленького Архата и почему это таинственный Лабиринт превратился чуть ли не в проходной двор? – а во мраке подземелий вдруг послышался сдавленный детский вскрик и шорох, какой бывает даже не от падения тела, а от медленного оседания наземь...

И Змееныш Цай совершил непростительную для профессионального лазутчика ошибку, одну из тех ошибок, которые способны напрочь провалить или неожиданно раскрыть порученное дело, – дверь все почему-то медлила закрыться, и Цай сломя голову ворвался в преддверие Лабиринта Манекенов.

Ему повезло.

Почти сразу он споткнулся о скорчившееся на сыром земляном полу детское тельце.

И успел выволочь Маленького Архата, потерявшего сознание неизвестно отчего, наружу.

Знакомое гнусавое хихиканье эхом прокатилось где-то в

самой сердцевине Лабиринта, следом за ним послышался глухой грохот и сухой треск, какой бывает от столкновения дерева с деревом или с рукой, похожей на дерево, но Змееныш Цай уже не слышал этого.

Он нес по лестнице мальчишку с лицом деревенского дурачка и глазами, похожими на две ледышки.

Когда они были уже на самом верху, эти глаза открылись.

4

...Ливень наполнил до отказа все кухонные бочки, предусмотрительно выставленные во двор. Но преподобного Фэна – повар как ни в чем не бывало перед самым восходом объявился в своих чревоугодных владениях – дождевая вода чем-то не устроила.

И он мигом погнал Змееныша Цая к источнику, вооружив коромыслом и парой объемистых бадеек.

Самым простым способом раздобыть воду было пробежать через растущую неподалеку сосновую рощу, которая некогда и дала название знаменитому монастырю,³⁰ и вскоре оказаться близ разбивающегося о камни небольшого водопада, дарующего прохладу в зной, но в здешней обители очень не любили простые способы достижения чего бы то ни было. Тем более что и сам водопад был не простой, а освященный в прадавние времена самим Сыном Неба, импера-

---

³⁰ *Шаолин* – дословно «молодой лес».

тором Сяо Вэнем, и вследствие несомненной святости этой воды в ней запрещалось даже купаться – не то что бадьями таскать.

Вот и бегал Змееныш по ста тридцати шести ступеням к дальнему ключу.

Каждые три ходки он останавливался на полдороге и тщательно брызгал на обнаженное до пояса тело водой, а приближаясь к кухне, начинал спотыкаться и тяжело дышать. Такому юноше, как он, не вошедшему еще в полную мужскую силу, должен быть в тягость путь к источнику и обратно, особенно по жаре и с тяжелым коромыслом на плечах. И неважно, что все обитатели Шаолиня, включая повара Фэна, предаются сейчас рассветной медитации – если на чем и ловятся лазутчики, так это на самых ничтожных мелочах!

«И еще на добрых поступках», – зло подумал Змееныш, в очередной раз подбегая к источнику и еще издалека видя там знакомую детскую фигурку.

Вчера, когда он оставлял только-только пришедшего в себя Маленького Архата у входа во второй сэнтан, Цай очень надеялся, что ребенок его не запомнит.

Запомнил, проклятый!

И кстати – почему он не медитирует вместе со всеми?!

Что это за поблажки?!

Малыш посмотрел на подбегающего Змееныша своими льдистыми глазками, прикусил сорванную травинку крепкими, выпирающими вперед зубами и заявил ни с того ни с се-

го:

– Через два-три дня тебя вызовет к себе патриарх. Понял, дубина?

Не ожидающий подобного начала Змееныш чуть не уронил коромысло.

– Будет беседовать с тобой. – Мальчишка жевал травинку и говорил словно даже и не со Змеенышем, а с самим собой. – Вопросы задавать станет, так ты не хитри и не умничай. Выгонит. Если ударит – закройся, но не до конца. Вроде как от испуга. Впрочем, до конца ты и не сможешь... ну да ладно, не о том речь.

Маленький Архат ненадолго замолчал, а Змееныш оторопело смотрел на своего собеседника.

На самом деле он не был столь уж удивлен словами Маленького Архата – и не потому, что ожидал чего-либо подобного. Просто Змееныш разучился удивляться еще тогда, когда нынешнее перерождение мальчишки не то что не началось, а даже еще и не было задумано.

Но личина Цая почти всегда требовала удивленно раскрытого рта и часто-часто моргающих глаз, так что это стало его второй натурой.

Некоторые уже неживые люди могли бы подтвердить: да, стало и в свое время производило большое впечатление.

– Чаю тебе предложит, – продолжил после паузы монах-ребенок. – Да не моргай ты, а слушай! Чаю, говорю, предложит – так ты не бери, а взял, так не пей! Понял?! Об-

винят в незнании этикета и животной грубости, после чего выпрут взащей! Отойди себе смиреннько в уголок, там тумба стоит, с фигурками и бумажными деньгами... ну, низенькая такая!..

– Алтарь предков, – машинально поправил Змееныш, на этот раз действительно удивясь: не столько тому, что малыш так осведомлен в делах патриарших, сколько его последним словам про алтарь предков.

Да любой сопливый мальчишка в любом селении никогда не скажет про известное с рождения священное место: «Тумба... с фигурками и бумажными деньгами...»

– Точно, – обрадовался Маленький Архат, выплевывая свою травинку Змеенышу под ноги. – Короче, поставишь туда чашку, поклонись, после повернешься и поклонись еще и патриарху. Потом жди. Выпьет глава Шаолиня свой чай – считай, все у тебя в порядке, можешь зваться монахом. Дошло?

– Дошло, – кивнул Змееныш. – А что ж это ты, преподобный...

Лазутчик колебался. Одну ошибку он уже совершил, когда вытаскивал этого непонятного ребенка из Лабиринта Манекенов; и сейчас ему очень не хотелось ошибиться во второй раз. Сделай он вид, что вчерашней ночью ничего не было, кроме грозы, и вся юношеская личина Змееныша мигом начнет трещать по швам и лопаться – мальчишка умен, как бес, и сразу поймет, что пухлогубый юнец-кандидат не

должен бы уметь держать язык за зубами. Особенно окажись сей юнец в завидной роли спасителя. Затей же лазутчик разговор о вчерашнем происшествии, начини интересоваться похождениями Маленького Архата, и это неизбежно потянет за собой повара Фэна и самого Змееныша, преследующего уродливого монаха с диском под мышкой.

– Чего это я шляюсь у источника, когда остальные сидят в медитации под навесом? – ухмыльнулся Маленький Архат, и лицо его на миг стало совсем глупым, но только на миг, так что Змееныш не понял: притворился его собеседник или на самом деле обладал способностью прыгать от глупости к мудрости, как лягушка от лужи к луже?

Вон одна, зеленая, в пятнах, скачет, радуется... точь-в-точь Серебряная Жаба на Луне, когда тучи от нас ее дворец закрывают!..

– Понятное дело. – Мальчишка не спеша подошел к одной из бадеек (коромысло давно уже стояло у ног Змееныша), опустил детские ладошки внутрь, где на донце оставалась лужица воды, и каким-то безмерно усталым жестом ополоснул лицо. – Какой же я Маленький Архат – я просто маленький нахал! А может, меня, человеческого детеныша, их святейшество патриарх всем сердцем возлюбил?! Может, великий наставник Закона в нем, то бишь во мне, души не чает?! И позволяет то, чего другим ни-ни! Что скажешь, парень?

– Ты... – запнулся Змееныш, не очень хорошо уяснив смысл слов «человеческий детеныш» в применении к Ма-

ленькому Архату, а также отметив про себя крайне странный титул для патриарха Шаолиня – «его святейшество».

Но раз начал говорить, надо договаривать; тем более сплетни о неприглядных эпизодах личной жизни монахов уже давно раскатились горохом по всей Поднебесной.

– Ты его мальчик для удовольствий?

И Маленький Архат не обиделся.

Только плеснул остатками воды в физиономию Змееныша.

Незло плеснул, играя; но играя не по-детски.

– Для удовольствий, – кивнул монах-ребенок, и лед его глаз немного оттаял, потек по краям голубыми разводами. – Только не для тех, о каких ты подумал.

Вдруг он сорвался с места и побежал к ступеням, ведущим к монастырской кухне.

Остановился на третьей снизу, со щербиной посередине, и негромко бросил:

– Послезавтра Фэн-урод снова пойдет диск к Лабиринту примерять. В то же время, ночью. Ты его не бойся, он когда в подземелья идет, ничего вокруг себя не видит, не слышит! Ты другого бойся...

Не договорил.

Дальше побежал.

Ступеней через сорок остановился, поглядел сверху, как Змееныш из источника воду набирает, как пристраивает коромысло на скользких плечах; как делает первый шаг к лест-

нице.

– Жили-были два китайца, – пробормотал себе под нос Маленький Архат, – одного звали Сунь, а второго – Вы-сунь...

Но Змееныш не слышал этого.

Да и никто не слышал, а услышал бы, так не понял.

До того места, где поняли бы язык Маленького Архата, была не одна сотня ли³¹ и не одна сотня лет.

5

Косвенным образом слова Маленького Архата о том, что Змееныша в ближайшем будущем ждет приглашение к патриарху, подтвердились почти сразу.

Причем весьма своеобразным образом: если не считать беготни к источнику и уже вошедшей в привычку работы на монастырской кухне, то до самого вечера никто и ничем Ця не обижал. Не мыл грязных рук в набранной для похлебки воде, не требовал найти и немедленно принести веер, утеранный неизвестно где и неизвестно когда; не заставлял в тридцать восьмой раз поймать белого кролика и приготовить из него жаркое с сычуаньской лапшой и молодыми бамбуковыми побегами – Змееныш уже устал объяснять, что ни при каких обстоятельствах не может ничего приготовить из священного животного даже под страхом пытки. Однажды он

---

³¹ Ли – китайская верста, примерно 576 метров.

попытался для разнообразия сказать, что монахам мяса есть нельзя, и, не успев договорить «нельзя», был больно бит монашескими тапочками на твердой деревянной подошве...

Короче, день прошел тихо и безобидно.

И это настораживало больше, чем ставшие привычными издевательства.

Маленький Архат в свободное от занятий кулачным боем и постижения Чань время крутился где-то неподалеку, но в разговоры не вступал.

Повар Фэн вообще не интересовался ничем, кроме котлов и своего диска, на котором за сегодня так ничего и не написал.

У Змееныша Цая даже появилась минутка-другая отдохнуть и в очередной раз задуматься над скрытым смыслом постоянного издевательства и всевозможных обид-насмешек над кандидатами. Неужели такой удивительный обычай существует с седых времен Пути Дамо, сурового Бодхидхармы; неужели именно Бородатый Варвар приказал силой вытряхивать из новичков все зерна человеческой морали и нравственности, делая в мешке их представлений о жизни все новые и новые дырки?

Ведь монаху-любоострастнику, по всему видать, главным было не соблюдать монастырские правила, отказываясь от женщин, а не попадаться стражникам с поличным! Но если уж попался, не дать доставить себя к патриарху, уходя от облавы силой, хитростью, чем угодно, но уходя... Опять же

грязные сандалии по чистому полу, грязные ладони в воде для похлебки, белый священный кролик, бессмысленные обвинения в воровстве и непочтительности – всего и не перечислить!

И при этом говорят в Поднебесной: «Опрятен, как чаньский монастырь!» – правильно говорят, в чем Змееныш имел возможность убедиться сам.

И при этом говорят в Поднебесной: «Суров к себе, как чаньский монах!» – что тоже правда, истинная правда!

Всем ведомо, как Бородатый Варвар в гневе вырвал себе веки (по иной версии, только ресницы), когда те смежились и помешали ему предаваться внутреннему созерцанию! А последователи Пути Дамо помнят об этом, каждодневно попивая чаек – чайный куст вырос-то из отвергнутой плоти великого Бодхидхармы! – и щеголяя ревностностью в постижении Учения.

Может быть, дальновидный Пути Дамо, первый патриарх Чань, из каких-то тайных соображений хотел, чтобы вступающих в ряды его монахов-воинов покинули все людские представления о хорошем и плохом, о правильном и неправильном в понимании смиренных крестьян, гордых министров и яростных воинов – покинули, чтобы быть замененными...

На что?

И тогда становится ясным, почему теряющего или потерявшего мораль человека, из которого под ноги сыплются

правила «ли», стуча о дорогу подобно зернам проса... почему такого человека нельзя выпускать за пределы обители!

Он не сможет жить в знакомом ранее мире: мир остался прежним, а он изменился! Как собака, выжившая в волчьей стае, не может вернуться в прежнюю конуру, где есть миска и нет свободы. В ней, в бывшей собаке, теперь безраздельно царят новые правила, не привнесенные снаружи, а выросшие сами собой, из глубин, из корней; и среди волчьих правил «ли» может, к примеру, найтись и такое: нельзя перекусывать подставленное горло сдающегося соперника!

Многие ли императоры и полководцы могут похвастаться подобной волчьей моралью?!

...И тут мысли Змееныша Цая были прерваны приветственным возгласом и увесистым хлопком по плечу.

– Здорово, браток! – весело рявкнул собрат по кандидатскому званию, тот самый торопыга, которому невероятно везло от самых внешних ворот обители.

Торопыга был велик, громогласен, телом дороден и грузен и любил хвастаться тем, что везуч и что земляки прозвали его еще с детства Луань Дайтоу, что на ханьжоуском наречии значит «голова смутного времени».

Змееныш так и не понял, что хотели сказать этим земляки и чем тут хвастаться. Особенно если у двух иероглифов, составляющих «луань дайтоу», есть и второй смысл – «мешочек с яичками».

Или, если отбросить церемонии, попросту «мошонка».

– Мы тут подумали-подумали, браток, и решили, что надо бы тебя тоже позвать, – блестя плоскими широкими зубами, какими хорошо жевать репу, загудел Голова Смутного Времени. – Все-таки ты наш, хотя и сторонишься, вроде как брезгуешь; и звание монашеское вскоре вместе примем, так что ни к чему нам чиниться да избегать один другого! Я и Малыш Сун (второй кандидат, еще остававшийся в обители) со здешними молодыми иноками сдружились, так они нас сегодняшней ночью на дружескую пирушку зовут. Как говорится меж образованными людьми, в Зеленые терема!³² Короче, я за тобой, браток! Уснут все в твоём сэнтане – выходи, собираемся у заднего выхода с кухни! Молодые иноки сказывали, что знают нужные тропы в поселок слуг... ох, и погуляем!

Голова Смутного Времени гудел еще что-то, скабрёзно подмигивая, а Змееныш уже понимал: «Влип!»

И лихорадочно соображал, как отвертеться от столь лестного предложения.

По всему выходило, что не отвертеться никак. Такой юнец, каким представлялся окружающим лазутчик жизни, просто не мог отказаться от подобного, истинно мужского предложения. А даже если Змееныш и попробует увильнуть, сославшись на необходимость соблюдать Пять Запре-

---

³² *Зеленые терема*, они же Чусские павильоны или Циньские башни – злачные заведения.

тов, пусть и не став полноправным монахом, Голова Смутного Времени мигом превратится в Мошонку, препаскудно ухмыльнется и спросит:

«Трусишь, браток?»

После чего Змееныш окажется прижат к стене собственным ложным возрастом, умеющим отвечать на обвинение в трусости одним-единственным способом.

Сделать все, что предлагают, и вдвое больше.

– Хорошо, браток, – кивнул Змееныш, грустно вздохнув про себя и покоробившись от собственного «браток». – Нынче же ночью.

6

– А я-то думала! – досадливо скривилась Матушка Си-ванму, прозванная так в честь Владычицы Западного Рая за свои исключительные способности на стезе разврата.

Говаривали знатоки из преподобных: Матушка если приголубит ста двадцатую пятую из ста двадцати трех известных людям любовных игр, то мигом попадаешь в Западный Рай, даже и не вкусив дарующих бессмертие персиков.

– А я-то думала! Кандидатишек сопливых привели! Патлатеньких! Головы не обрили, а туда же: к порядочным женщинам!

– Чем тебе их головы не нравятся, Матушка! – расхохотался один из молодых монахов, подбивших трех кандида-

тов на сей опасный, но сулящий немалые радости поход.

– Вот у тебя, красавчик, голова правильная – бритенькая да гладенькая! Прижмешь такую к себе, ладошкой гладишь, не нагладишься! Круглая да крепкая! А у этих проведешь ладонью – не то собака, не то дерюга... Ну и вся любовь кошлатым мехом-смехом и выходит! Разве что мальчика попробовать, порадовать себя молоденьким мясом? Эй, юнец, ты хоть целовался с нашей сестрой до сегодняшней ночки?!

И любвеобильная Матушка Сиванму обеими руками приподняла свои пышные груди, вызываяще глянув в сторону Змееныша.

– Не довелось, Матушка, – потупившись, отвечивал Цай, одновременно припоминая, как больше месяца прятался от лихих братьев из шайсинских лесов. Их вожака Змееныш сдал властям живьем для заказанной публичной казни на деревянном осле. Самым надежным местом для укрытия – увы! – оказался Зеленый терем на окраине Шайсина, с чьей хозяйкой Змееныша связывали кое-какие делишки. В результате все остались довольны: и хозяйка, получившая изрядную мзду, и певички, сновавшие к замечательному постояльцу по двое, по трое за раз, и сам Змееныш – хотя иногда ему хотелось выйти и отдаться в руки лихим братьям.

Смерть казалась не такой утомительной, как внимание певичек.

– Тогда договорились, сынок! – На круглом лице Матушки появилось плотоядное выражение, как ни странно, сде-

лавшее ее довольно привлекательной. – Пошли, поучим тебя уму-разуму!

И Змееныш покорно поплелся в соседнюю комнату, раздумывая по дороге: воспользоваться наукой бабки Цай и одними руками незаметно довести Матушку до блаженного изнеможения (авось отстанет!) или продолжать разыгрывать юнца до, так сказать, победного конца?

Последний вариант смущал лазутчика. Любовь юноши и любовь зрелого мужчины сорока с лишним лет сильно отличаются между собой. И опытная певичка только по времени, прошедшему от снятия одежд и до того мига, когда «тучка проливается дождем», может определить истинный возраст своего любовника с точностью до трех-четырёх лет. Можно, конечно, замедлить или ускорить происходящее, но нажимать на точки «цилунь» и «баньши» в присутствии Матушки Сиванму...

– Ишь, какой мяконький! – призывно шепнула Матушка, и Змееныш обнаружил, что уже лишился изрядной части своего одеяния, а Матушка стоит перед ним на коленях, явно готовясь «сыграть на нефритовой флейте».

И сыграла.

Да так сыграла, что, наверное, небожители Яшмового дворца долго потом обсуждали подробности этого поединка: Матушка Сиванму изо всех своих немалых сил старалась затянуть удовольствие и успеть продемонстрировать пухлогубому мальчику все совершенство многолетнего опыта, а

Змееныш Цай напрягал последние силы, пробуждая от спячки Великого Змея Шэн и пытаясь уложиться в то время, какое истинно надобно шестнадцатилетнему юноше для завершения первого соития.

В результате оба остались довольны друг другом.

Включая любопытных небожителей.

И если бы не шум на улице, прекрасно знакомый Змеенышу по его первому, тайному визиту в поселок слуг...

Монастырская стража, как выяснилось позже, явилась отнюдь не за блудодеями. В соседнем доме, примыкающем ко двору жилища Матушки Сиванму и ее подружек, проживал молодой бондарь, поставлявший на кухню заказанные ему бочки, – и бондарь этот днем был замечен в смертном проступке.

Он издалека подглядывал за монахами – причем не за рядовыми иноками, а за знатоками-шифу! – когда последние совершенствовались в воинском искусстве. Такие прегрешения карались смертью: провинившегося забивали палками, сперва удостоверясь – случайно ли заглянул грешник в святая святых или намеренно пытался проведать тайны мастерства преподобных отцов из обители возле горы Сун?!

Бондарь смотрел намеренно – ибо в пятый раз не подглядывают случайно.

И богатыри-стражники явились за преступником.

К сожалению, Голова Смутного Времени потерял от стра-

ха голову, напроочь превратившись в Мошонку и выскочив на улицу в чем мать родила, – в результате Мошонка был изгнан пинками с территории обители, потеряв возможность когда-либо приобщиться к Учению Будды в стенах Шаолиньского монастыря.

Сказано в древности: «Дуракам Закон не писан!»

Остальные иноки и Малыш Сун, кандидат-друг Мошонки, были вовремя укрыты женщинами в тайных погребках.

Про Змееныша все как-то забыли и не вспомнили до следующего утра.

Ни молодые иноки, ни Матушка Сиванму с подружками, ни собрат-кандидат... ни монастырские стражники, хотя последние тщательно обыскали окрестные дворы и дома сверху донизу.

Маленький Архат, притащившийся вместе со стражей смотреть на арест бондаря, принимал самое деятельное участие в этих поисках. Видно было, что монах-ребенок пользуется несомненным расположением стражников – вот только неясно, с чего бы это?! А потом, когда стража удалилась, таща за собой избитого бондаря и вопящего Мошонку, Маленький Архат встал посреди пустынного двора Матушки Сиванму и обратился в пространство.

– Я знаю, что ты где-то здесь, – весело сказал ребенок. – Извини, но мне надо было проверить – действительно ли ты лазутчик из внешнего мира? Поймай они тебя и изгони от-

сюда, — значит, я ошибся, а я ошибаюсь редко. Еще раз извини, но, по-моему, ты гораздо старше и умнее, чем выглядишь, Змееныш! Проследи за собой: в минуты задумчивости у тебя слегка западают щеки и начинают играть желваки на скулах, отчего ты становишься отнюдь не юношей... и еще: те волосы, что у тебя на груди, — белесые. Может быть, они седые?

Никто не ответил Маленькому Архату.

7

Через день Змееныша вызвал к себе патриарх Шаолиня, сменивший на этом посту знаменитого Сюаня Цзигуаня, присутствовавшего на церемонии восшествия на престол нынешнего императора Юн Лэ.

После полуторачасовой беседы кандидату была милостиво предложена чашка чаю; и когда Змееныш Цай в точности выполнил все советы Маленького Архата, патриарх одобрительно улыбнулся и не торопясь отхлебнул из своей чашки.

К вечеру Змеенышу наголо обрили голову.

А последний кандидат, приятель печально известного Головы Смутного Времени, был изгнан сразу же после того, как гордо сделал первый глоток предложенного напитка.

Чай, кстати, оказался плохонький, жидко заваренный...

Междуглавье

Свиток, найденный птицеловом Манем в тайнике у западных скал Бацюань

Мне дважды повезло – если в данном положении вообще можно говорить о везении.

Во-первых, мой мальчик оказался дурачком. Не дебилom – от такого соседства я рехнулся бы через час, подтвердив общее правило, что «Безумцы Будды» долго не живут. Но мой мальчик (до сих пор не понимаю – на беду себе или на счастье вспомнил он мое перерождение?!) на кое-что годился, только это «кое-что» было весьма своеобразным. Например, он мог вполне успешно сопровождать слепого гадалея, время от времени поколачивая колотушкой в переносной гонг и оповещая таким образом обывателей о том, что пора бы встряхнуть сосуд с дщицами и выкинуть оттуда очередное предзнаменование – наверняка доброе, потому что за злые пророчества платили тумакami. И пусть мальчишка на глаз различал все сто двадцать четыре оттенка закатной полосы над озером и чувствовал себя как дома во всех пяти тональностях здешней музыки, с легкостью переходя от «гун» к «шан», а от них обоих к «цзяо», – ему было трудно сосчитать монеты в лавке так, чтобы не ошибиться вдвое или

второе, и разговаривать он мог, только глупо улыбаясь.

Я забился в самый краешек его куцега сознания и благодарил фортуна за фарт, что, прожив тридцать лет и три года (не на печи, но все-таки...) с урезанным судьбой-индейкой правым полушарием, сейчас способен быть более или менее холодным наблюдателем.

Видать, судьба была рождественской индейкой.

Иногда мне казалось, что вот оно, мое левое полушарие, мои усеченные искусство и интуиция – слюнявый полуидиот, никогда не промахивающийся мимо нот и искренне любующийся цветущей ханьчжоуской ивой.

Наверное, я был не прав.

Я наверняка был не прав.

И однажды в лавке не утерпел: вылез наружу, отодвинув привыкшего слушаться кого бы то ни было мальчишку, и ухватил за руку гада-лавочника, когда тот самым наглым образом обсчитывал моего мальчика и его слепца-гадателя.

– Дщица с твоей судьбой уже готова вывалиться из костяного стаканчика! – сказали мой мальчик и я. – Ты уверен, о достойный господин, лишь по воле случая похожий на скупердя и мздоимца, что она не сулит тебе восемь бед и сорок несчастий?

Лавочник подумал-подумал и решил, что не уверен.

Мне повезло дважды: мой мальчик был дурачком и потянулся ко мне (к себе?) со всей силой не знающего ласки ребенка. Или, если хотите, со всей силой противоположного

полюса. И поскольку нас было всего двое, причем обоим было крайне неуютно в окружающем мире...

Это все еще было во-первых.

А во-вторых, мы отлично ужились вместе.

И, как я вскоре понял, это оказался уникальный случай – «Безумцы Будды» и впрямь долго не живут.

А мы прожили год довольно-таки сносно – до того дня, когда наш гадатель занемог и вскоре отправился в мир иной, а мы остались без дела.

И без куска хлеба.

Хотя здесь говорили: без чашки лапши.

Ну и дрянь эта гречневая лапша, доложу я вам...

Стоя на набережной в Ханси и любуясь цветными фонариками, формы которых спорили окраской и разнообразием с осенней листвой, я на миг отстранялся от моего мальчика и представлял сам себя этакой резидентной суперпрограммой, которая наслоилась на чужой мозг, превратившись в операционную среду и вовсю пользуясь прежними файлами; потом понимал, что никогда раньше не отличал алый фонарик от малинового, и уж тем более не ощущал смутной гармонии их слегка матового свечения и звуков от старого цина, когда уличный музыкант стучал крохотным биллом по каменным пластинам...

Потом я и мой мальчик, резидентная суперпрограмма и слюнявый эстет, получали оплеуху от раздраженного нашим видом купчины, выгуливавшего неподалеку целую свору ве-

рещащих певичек, – и шли думать и любоваться в другое место.

Впрочем, на голодный желудок думается лучше, а если я что и умел, так это думать. И в первую очередь меня до рези в желудке интересовало «Безумие Будды» (из сугубо корыстных интересов!). В отличие от аборигенов, которые валили все на причины метафизические и в этом деле были большие доки, мне оно сильно напоминало давно знакомых дружков-вирусов, изредка забирававшихся в мой замечательный «Пент» и норовивших натворить чудес или перекроить все по своему образу и подобию. Года жизни в местной Поднебесной – то, что это не совсем наша Поднебесная, о которой я читал в разных умных книжках, я понял чуть попозже – мне хватило, дабы уразуметь одну простую и не шибко приятную истину.

Здесьний космо-комп именовался Законом Кармы.³³

Бред?

Возможно.

И Закон Кармы впервые за века своего существования и бесперебойной работы в макромасштабе нарвался на вирус.

Чушь собачья, хвостатая?

Не исключено.

---

³³ *Карма (санскрит.)* – плод действия; Закон Кармы – воздаяние за любые поступки, влияющее на следующее перерождение. Обычное, повседневное сознание отягощено страстями, которые переносит на поступки и поэтому все время создает карму; сознание измененное, просветленное действует бесстрастно, т. е. кармы не создает.

А не чушь, не бред то, что я после осколка за ухом сижу себе преспокойненько (вру, не так уж преспокойненько) в дурачке-китаезе за полтыщи лет и невесть сколько километров от моего подъезда и тети Насти, обеспокоенной некультурностью жильцов?!

То-то же...

На фоне этого кармические законы в образе дисков винчестера и обалдевшие файлы-перерождения, путающие время и место, выглядят безобидными забавами.

Что и требовалось доказать.

Часть третья

Владыки темных приказов

Кто способен вовремя остановить свой собственный удар, тот наверняка сумеет в нужный момент ударить с полной силой, сокрушающей горы.

Из поучений мастеров

Глава пятая

1

Судья Бао неодобрительно глядел на окружавшие их хмурые скалы. Вернее, скалы были даже не то чтобы хмурые, а скорее какие-то болезненные: изъязвленные ветром и временем, покрытые желто-бурой с прозеленью коростой лишайника, растрескавшиеся и изогнутые под совершенно невыносимыми углами. Из трещин местами торчали такие же кристые и чахлые деревца с колючими жесткими листьями, напоминающие гениталии малайских идолов – судье как-то раз довелось видеть изделия южных варваров, и они еще тогда поразили его своим вызывающе-нездоровым уродством.

Под копытами ослика и запряженной в повозку судьи ло-

шади хрустели сухие кости. В основном звериные, но изредка попадались и человеческие. Теперь судья думал, что понимает, почему даос назвал их предприятие «опасным». А Железная Шапка тем временем размышлял, что если судья полагает, будто это уже настоящая опасность, то заблуждение выездного следователя велико и необъятно, подобно Восточному океану; и вообще зря он, бедный отшельник, связался с такого рода предприятием, потому что «драконы и единороги» еще только ждут их впереди, и отнюдь не в мире живых...

Ущелье резко свернуло вправо, и в лицо судье пахнуло вонью горячей серы. Сразу же перехватило дыхание, судья надсадно закашлялся, но тут новый порыв пронизывающего ветра отогнал удушливый запах, и выездной следователь со своим слугой-возницей с трудом перевели дух. Лошадь храпела, пытаясь к выходу из ущелья, в то время как ослик даоса просто стал как вкопанный.

– Приехали, друг мой Бао, – сообщил Лань Даосин, слезая с ослика и перекидывая через плечо ремень с походными сумками. – Соблаговоли покинуть повозку, поскольку дальше мы пойдем втроем.

– Дальше? Втроем? – не понял судья. – Но ведь дальше нам не пройти – мы просто задохнемся! Кроме того, нас и так трое...

Бао имел в виду себя, даоса и возницу; но, услышав, как ослик весьма отчетливо хмыкнул, не стал продолжать.

– Не беспокойся, мы пройдем сквозь Дыхание Нижних Пределов: ты, я и твой племянник Чжун. Это я и подразуме-
мевал, говоря: втроем. А твой слуга пусть отведет лошадь к
выходу из ущелья и ждет нас там три дня.

– Лошадь? А как же ослик, друг мой Лань? Неужели он...

Даос лишь приложил палец к губам; ослик же ослабил
желтые зубы, повернулся к судье задом и бодро затрюхал
прочь.

Бао молча кивнул и слез на землю; потом, взглянув на
проступавшие впереди сквозь дым груды костей, выездной
следователь тяжело вздохнул, закашлялся и принялся вме-
сте со слугой снимать с повозки заранее приготовленные но-
силки.

В душе судья очень надеялся, что его приятель Лань не
вознамерился покончить жизнь самоубийством, прихватив с
собой за компанию и своего друга Бао. Хотя, с другой сто-
роны, это был наиболее простой способ попасть на прием к
князю Янь-вану, или Владыке Восточного Пика, – но, увы,
он судью Бао абсолютно не устраивал.

Наконец выездной следователь и Железная Шапка осто-
рожно уложили на носилки тело Чжуна – и судья в очередной
раз поразился тому, что его племянник скорее напоминает
спящего, чем мертвого. Иногда выездного следователя даже
начинали брать сомнения, но нет: сердце Чжуна не билось,
дыхание отсутствовало, и тело несчастного юноши остава-
лось холодным. Тем не менее за неделю пути разложение ни

в малейшей степени не коснулось мертвеца, хотя погода стояла теплая и влажная. Трупные пятна тоже не появлялись, а члены покойного сохранили гибкость, вопреки всему не подвергшись окоченению.

Зато даос за время пути заметно сдал, хотя все время ел за троих: глаза мага ввалились и горели лихорадочным огнем, кожа на лице и руках словно бы высохла, истончилась и приобрела землистый оттенок; и судья не раз замечал, как дрожат руки его друга, хотя раньше за Лань Даосином такого никогда не водилось. Нелегко давалось магу поддерживать вокруг покойника ауру живого, не выпуская все девять его душ из тела и в то же время мешая слугам Янь-вана явиться за положенным!

Как сказал сам даос еще в Нинго: «За все надо платить».

– Пожалуй, я мог бы на время оживить его, – обмолвился как-то по дороге Лань Даосин. – И в течение примерно шести-семи дней Чжун был бы почти прежним. Но потом... Очень трудно уловить момент, когда рассеиваются три духовных начала и сгущаются шесть плотских; а также когда остаточное «ци» претерпевает необратимые изменения, и оживший мертвец уже не в силах сдерживать темные страсти. Этим я наверняка испортил бы ему карму, да и мы не могли бы чувствовать себя в безопасности рядом с твоим племянником. А сейчас время для него остановилось, он как бы спит – и хотя добиться этого куда труднее, чем поднять свежего покойника и заставить выполнять чужую волю, я из-

брал именно этот способ. Так и твой племянник не испытывает мучений, и мы находимся в относительной безопасности...

При словах о безопасности даоса слегка передернуло, что не укрылось от острого взгляда судьи Бао.

Лань Даосин открыл одну из своих сумок и извлек из нее нефритовый флакон с притертой пробкой и два куска грубой ткани. Обильно смочив ткань темно-красной жидкостью из флакона, даос передал один из кусков судье, а вторым, сложив его вдвое, плотно обмотал лицо, завязав концы на затылке. Судья поспешил последовать примеру мага. Жидкость имела приятный аромат полевых трав и цветов с небольшой примесью мускуса и еще чего-то, неизвестного судье, но не вызывавшего неприятных ощущений.

Маг молча ухватился за ручки носилок спереди, у головы покойного, и судья поспешил занять свое место позади Лань Даосина.

– Жди нас три дня. Потом, если мы не появимся, – еще два дня в деревне, которую сегодня проезжали на рассвете. Если мы не объявимся через пять дней, возвращайся в Нинго, – приказал Бао из-под повязки слуге.

Тот молча поклонился, показывая, что все понял.

Лань Даосин словно только и ждал этого – едва замолк приглушенный повязкой голос судьи, даос двинулся вперед, увлекая за собой выездного следователя. Через несколько шагов они вступили в пелену серного дыма.

Повязка с лихвой оправдывала возлагаемые на нее надежды. Дышалось на удивление легко, приятный запах смочившей ткань жидкости даже в некоторой мере успокаивал – и через несколько минут пути в смрадном тумане судья Бао окончательно уверился, что опасность задохнуться им теперь не грозит.

После чего начал с интересом оглядываться по сторонам. Дым тонкими струйками сочился из трещин в окружающих скалах, словно под ними дремали десятки огнедышащих демонов, глухо сопя в щели, в любой момент готовые проснуться, проломить непрочную каменную скорлупу огромного яйца Преисподней и выбраться наружу. «Еще год-два – и это вполне может случиться», – подумалось мельком судье Бао. Под ногами хрустели сухие кости, местами приходилось перебираться через целые завалы из ребер, черепов, хребтов и других частей скелетов. Большую часть костей судье удавалось опознать или хотя бы сравнить с чем-то более-менее известным, но встречались и останки каких-то совершенно неведомых выездному следователю животных. Особенно поразил его большой рогатый череп с тремя глазницами и несколькими рядами мелких, но явно острых, как бритва, зубов, среди которых выделялись восемь зловещего вида клыков, каждый в добрый палец длиной.

Судья еще подумал, что даос наверняка тоже заметил этот череп. И потом, когда (если!) они выберутся из ядовитого

облака, надо будет обязательно спросить мага, что это была за тварь.

И не встретится ли она где-нибудь на их пути.

Скалы вокруг были абсолютно голые, на них ничего не росло, за исключением пучков черных суставчатых травинок, похожих на паучьи ноги, изредка торчавших из расщелин.

Через некоторое время у судьи начали слезиться глаза, и почти тотчас же в его голове раздался отчетливый шепот Лань Даосина:

– Закрой глаза и смотри так...

Судья не понял, как можно смотреть с закрытыми глазами, но тем не менее послушно прикрыл веки и попытался всмотреться в мгновенно окружившую его тьму.

И действительно, почти сразу выездной следователь увидел перед собой лиловый светящийся силуэт даоса. Силуэт светился все ярче, словно раскаляясь изнутри, и постепенно судья Бао стал вновь различать дорогу: кости отблескивали медной прозеленью, скалы казались темно-багровыми, струйки ядовитого дыма расплывались вокруг голубоватыми облачками, а носилки вместе с телом племянника Чжуна оказались прикрыты полупрозрачным бледно-палевым коконом, по которому время от времени пробегали радужные разводы.

Это было красиво.

Это было непривычно.

И немного страшно.

Или даже много.

Некоторое время судья предавался новым ощущениям, а потом свечение, исходившее от фигуры даоса, начало постепенно меркнуть, и в голове выездного следователя вновь раздался голос Лань Даосина:

– Можешь открыть глаза, друг мой Бао. Мы уже пришли.

Словно в подтверждение этих слов, маг остановился, и судья с некоторым удивившим его самого сожалением открыл глаза.

Отравленное сернистыми испарениями ущелье осталось позади. Они с магом стояли у входа на идеально круглую скальную площадку, со всех сторон окруженную круто уходящими вверх базальтовыми стенами.

Это походило... больше всего это походило на кратер вулкана!

– Мы уже в царстве Янь-вана? – спросил судья.

– Нет. Но мы у входа в него.

И судья Бао подумал, что они, наверное, первые, кто так торопится попасть на тот свет.

2

Костер горел более чем странно: почти бесшумно, без треска и гула, а также на удивление ровно. Время от времени в сердцевине тяжко-багрового пламени вспыхивали лазоре-

вые, алые, ослепительно белые, а то и вообще какие-то легкомысленные фиолетовые язычки. Впрочем, странности эти были вполне оправданы – Лань Даосин уже около получаса, стоя у разведенного посреди каменной площадки кострища, нараспев читал ритмичные стихи на неизвестном судье Бао языке. И после каждой строфы подбрасывал в костер щепотку-другую содержимого бесчисленных коробочек, флакончиков, горшочков и мешочков, расставленных вокруг в некоем известном только магу порядке. От даосских приношений огонь то вспыхивал ярче, то внезапно бледнел, словно от испуга, то чуть ли не взрывался, как от хорошей порции пороха, то ежеминутно менял цвет – а Лань Даосин все голосил нараспев свою песнь-заклинание, которой, казалось, не будет конца.

«Ну, выучить слова – это еще ладно, – думал судья, невольно поддаваясь колдовскому очарованию происходящего. – Но как запомнить, которое снадобье и в какой момент надо кидать?»

Это было выше его понимания.

Они стояли спиной к ядовитому ущелью, глядя сквозь мешающий видеть огонь на противоположный край кратера; между ними лежало пластом недвижимое тело Чжуна. Солнце давно опустилось за скалы, ночные тени сгустились за пределами трепещущего светового круга, и вот сейчас Железная Шапка открывал вход в ад Фэньду, только вход все почему-то не открывался. Судья Бао видел, что силы мага уже на

исходе и даос держится лишь на упрямстве и отшлифованном годами учения мастерстве, но он не знал, чем помочь другу, боясь, наоборот, все испортить...

Вдруг судья почувствовал, как что-то незаметно изменилось. Игривой певичкой подмигнуло пламя костра, из ниоткуда налетел порыв ледящего ветра, темнота оскалилась дружелюбной ухмылкой зверя Чи-сань, который имел скверную привычку из двух дерущихся обычно съедать невинного; и выездному следователю показалось, что он начинает различать смутный контур на почти невидимой черной стене впереди.

Или это ему только примерещилось?

А потом судья Бао неожиданно для самого себя обнаружил, что он уже отнюдь не стоит и наблюдает, а идет, покорно переставляя ставшие удивительно тяжелыми ноги. Идет вместе с Железной Шапкой прямо сквозь огонь, оказавшийся холодным и щекотным, к высящейся перед ними стене, где к тому времени ясно проступили очертания прохода, освещенного бледным зеленоватым светом. Судью почему-то не удивило, что между ним и даосом движется его любимый племянник Чжун, покойный племянник Чжун, только что смирно лежавший у костра, и силуэт Чжуна то ли двоится, то ли троится, хотя судья был абсолютно трезв. Доблестный сяньигун задумался было: «С чего бы это подобная напасть?!» — но тут оказалось, что они уже вступают в открывшийся проход, и перед ними вырисовывается неприветливая гигант-

ская фигура, загромождающая путь внутрь.

Судья присмотрелся внимательнее и с трепетом признал в негостеприимной фигуре обладателя того самого трехглазого черепа, о котором он хотел спросить Лань Даосина – да так и не спросил.

Теперь же всякие расспросы оказались излишними: рогатый демон, ростом раза в два выше любого человека, стоял перед ними, и все три его глаза недобро горели пламенем ядовито-оранжевого цвета.

– Ответствуйте, земная плесень: кто вы такие и зачем явились в Темную Обитель Хуэйань?! – грозно, но в то же время как-то неуверенно спросил демон. И судья неожиданно почувствовал, как сковавший его липкий страх постепенно улетучивается: раз это страшилище разговаривает, вместо того чтобы сразу наброситься на них и сожрать, значит, с ним можно договориться!

А что грубит – так стражники у ямыня³⁴ ничуть не вежливей... пока мзду не получат.

– По просьбе высокоуважаемого сяньигуна Бао я, недостойный отшельник Лань Даосин, привел заблудшие души, по недоразумению оказавшиеся в теле его племянника Чжуня, к Владыке Восточного Пика с нижайшей просьбой рассмотреть наше ходатайство и лично разобраться в этом запутанном деле, исправить допущенные ошибки, наказать виновных, а также зачесть невинно пострадавшим их мучения,

---

³⁴ *Ямынь* – областная или уездная управа.

которые должны испустить часть их кармы и приблизить...

Похоже, даос мог говорить еще долго – судья и не подозревал в своем друге способности к столь многословному и путаному красноречию. Но большая и наверняка лучшая часть заготовленной магом речи пропала втуне: трехглазый демон протянул восьмипалую лапищу, куда Железная Шапка мигом что-то сунул, потом страж Темной Обители глянул себе в ладонь, без видимой причины со стоном схватился за кошмарную голову и как сквозь землю провалился.

Впрочем, в данном случае не «как», а именно провалился и именно сквозь землю!

Пораженный столь неожиданным эффектом даосской речи и даосской взятки, судья остолбенело застыл, глядя на то место, где только что находился ужасный привратник, но Железная Шапка уже тянул его за руку:

– Торопись, друг мой Бао, время не ждет! Сэньло, Дворец Владыки, находится в Пятом аду, а путь туда неблизкий. Так что поспешим, если ты хочешь вернуться вовремя... да и вообще вернуться.

Последнее замечание мигом вывело высокоуважаемого сяньгиуна из состояния прострации, куда ввергло его исчезновение демона-мздоимца, – и судья поспешил вслед за своим другом. Обнаружив, к немалому своему удивлению, что теперь их сопровождает целая компания совершенно незнакомого народа: например, некий грозного вида воин в полном боевом доспехе времен эпохи Тан, с укрепленным на

спине изрубленным штандартом и с двумя боевыми топорами «шуан» за кушаком. На голове у удивительного воина была красная, словно бы окровавленная повязка, а на доспехе отчетливо выделялись несколько стальных заплат. Затем судью постоянно дергала за рукав молодая девица весьма вульгарного вида, ярко, но безвкусно одетая и похожая на дешевую нахальную певичку. На ходу девица все время препиралась с надменной госпожой средних лет в дорогом платье, со множеством золотых и серебряных украшений; госпожа старательно делала вид, что полностью игнорирует наглую певичку, но время от времени не выдерживала и огрызалась не хуже обворованной базарной торговли, чем вызывала новый неиссякаемый фонтан язвительного остроумия со стороны девицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.